

Повесть о боярыне Морозовой

И

О трех исповедницах слово плачевное протопопа Аввакума

Предисловие

Память нации каждому крупному историческому персонажу стремится придать цельный, законченный облик. Памяти нации чужд протеизм. Она как бы «ваяет» своих героев. Иногда о таком «изваянии» можно говорить лишь условно: оно существует как некое «национальное ощущение», складываясь из разных фактов, оценок, эмоций, существует как аксиома культуры, не нуждающаяся в доказательствах и чаще всего не закреплённая в виде четкой формулы. Но в некоторых случаях «изваяние» исторического деятеля прямо отливается в словесную или пластическую форму. Это произошло с боярыней Федосьей Прокопьевной Морозовой, которая в памяти России осталась такой, как ее написал В. И. Суриков.

Разбирая споры и толки об этом полотне (оно было главным событием пятнадцатой передвижной выставки), Н. П. Кончаловская, внучка Сурикова, приводит среди прочих отзыв В. М. Гаршина: «Картина Сурикова удивительно ярко представляет эту замечательную женщину. Всякий, кто знает ее печальную историю, я уверен в том, навсегда будет покорен художником и не будет в состоянии представить себе Федосью Прокопьевну иначе, как она изображена на его картине»¹. Современникам трудно быть беспристрастными, и предсказания их сбываются не часто. Но Гаршин оказался хорошим пророком. За те сто лет, которые отделяют нас от пятнадцатой выставки передвижников, суриковская Морозова стала «вечным спутником» всякого русского человека. «Иначе» действительно не представить себе эту женщину XVII века, готовую на муки и смерть ради дела, в правоте которого она убеждена. Но почему именно суриковская Морозова стала иконографическим каноном и историческим типом?

Прежде всего потому, что художник был верен исторической правде. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить композицию картины Сурикова с одной из сцен Пространной редакции Повести о боярыне Морозовой, которая публикуется в настоящей книге. То, что мы видим на картине, произошло 17 или 18 ноября 1671 г. (7180-го по старинному счету «от сотворения мира»). Боярыня уже три дня сидела под стражей «в людских хоромах в подклете» своего московского дома. Теперь ей «возложили чепь на выю», посадили на дровни и повезли в заточение. Когда сани поравнялись с Чудовым монастырем, Морозова подняла правую руку и, «ясно изобразивши сложение перст (старообрядческое двуперстие. — А. П.), высоце вознося, крестом ся часто ограждше, чепию же такожде часто звяцаше». Именно эту сцену Повести выбрал живописец. Одну деталь он изменил: железное «огорлие», ошейник, надетый на боярыню, цепью прикреплялся к «стулу» — тяжелому обручку дерева, которого нет на картине. Морозова была не только «железы тяжкими обложена», но и «неудобством стула томима», и этот чурбан лежал подле нее на дровнях. Люди XIX века знали кандалы иного устройства (их подробно описал в «Мертвом доме» Достоевский). Художник, видимо, здесь решил не отступать от обыкновений своего времени: холст — не книга, к нему не приложишь реальный комментарий.

Однако верность древнерусскому источнику еще не объясняет вполне судьбы «Боярыни Морозовой», ее роли не только в русской живописи, но и в русской культуре вообще. В своих прекрасных полотнах о других выдающихся людях Суриков тоже не грешил против истины, но персонажи этих полотен «представимы» и в других обликах, «иначе». Конечно, героев «Перехода Суворова через Альпы» и «Меншикова в Березове» мы вольно или невольно сравниваем с их прижизненными портретами. Но ведь с Ермака Тимофеевича и со Стеньки Разина «парсун» не писали, так что возможности для сравнения нет, и все же ни суриковский Ермак, ни суриковский Разин не стали каноническими «изваяниями».

Дело в том, что задолго до Сурикова в национальном сознании боярыня Морозова превратилась в символ — в символ того народного движения, которое известно под не совсем точным названием раскола. В сущности, у этого движения два символа: протопоп Аввакум и боярыня Морозова, духовный отец и духовная дочь, два борца и две жертвы. Но и воителей, и страдальцев при начале раскола были многие тысячи. Почему в исторической памяти остался Аввакум — понятно. Аввакум гениален. У него был совершенно исключительный дар слова — и, следовательно, дар убеждения. Но почему Россия остановила выбор на Морозовой?

На картине Сурикова боярыня обращается к московской толпе, к простолюдинам — к страннику с посохом, к старухе-нищенке, к юродивому, и они не скрывают своего сочувствия вельможной узнице. Так и было: мы знаем, что за старую веру поднялись низы, для которых посягательство властей на освященный веками обряд означало посягательство на весь уклад жизни, означало насилие и гнет. Мы знаем, что в доме боярыни находили хлеб и кров и странники, и нищие, и юродивые. Мы знаем, что люди ее сословия ставили Морозовой в вину как раз приверженность к «простецам»: «Приимала еси в дом... юродивых и прочих таковых... их учения держася». Но был еще один человек, к которому в тот ноябрьский день простирала два перста Морозова, для которого она бряцала цепями. Этот человек — царь Алексей Михайлович.

Чудов монастырь находился в Кремле. Боярыню везли около государева дворца. «Мняше бо святая, яко на переходех царь смотряет», — пишет автор Повести, и пишет скорее всего со слов самой Морозовой, к которой он был очень близок и с которой имел случай разговаривать и в тюрьме (очень интересные соображения о личности автора приводятся в исследовании А. И. Мазунина²). Неизвестно, глядел ли царь на боярыню с дворцовых переходов, под которыми ехали сани, или не глядел. Но в том, что мысли о ней прямо-таки преследовали Алексея Михайловича, нет ни малейшего сомнения. Для царя она была камнем преткновения: ведь речь шла не о рядовой ослушнице, а о Морозовой — это имя громко звучало в XVII веке!

Морозовы в XV—XVI веках имели исключительно высокое положение³. В полуторастолетний промежуток от

Ивана III до Смуты из этой фамилии вышло до тридцати думцов, бояр и окольничих. Хотя опалы и казни Грозного не обошли и Морозовых, хотя к моменту воцарения Романовых остались считанные представители этого рода, которому суждено было пресечься в XVII веке, но именно время правления двух первых Романовых было для Морозовых временем наибольших успехов.

Двое из них, братья Борис и Глеб Ивановичи, в юности были спальниками своего сверстника Михаила Федоровича, т. е. «домашними, комнатными, самыми приближенными людьми»⁴. Это назначение, по-видимому, они получили по родству и свойству с Романовыми. Достаточно сказать, что один из их родичей был прадедом матери царя Михаила, а два других родича, Салтыковы, его двоюродными братьями. Борис Иванович Морозов был пожалован в бояре в 1634 г., в связи с назначением в дядьки к царевичу Алексею Михайловичу. Когда в 1645 г. Алексей по семнадцатому году венчался на государство, его пестун стал временщиком, «сильным человеком». Как тогда выражались, царь «глядел у него изо рта».

В июне 1648 г. в Москве разразился мятеж, «всколыбалася чернь на бояр» — и прежде всего на Бориса Морозова. Но и это ему не особенно повредило: царь со слезами «выпросил» у мира своего кормильца. Дядька крепко держал в руках своего воспитанника и сам, пустив в ход всю ловкость и влияние, выбрал ему невесту из худородных Милославских, Марию Ильиничну. На свадьбе Борис Морозов играл первую роль — был у государя «во отцово место». Через десять дней сыграли еще одну свадьбу: Борис Морозов, вдовец и человек уже пожилой, женился вторым браком на царицыной сестре Анне и сделался царским свояком.

Из своего совершенно исключительного положения он извлек все, что можно. В 1638 г. Борис Морозов владел тремястами с лишком крестьянских дворов. Это хорошее, но обыкновенное для боярина того времени состояние. Пятнадцать лет спустя за ним числилось 7254 двора, в двадцать раз больше!⁵ Это — неслыханное богатство. Столько же дворов было лишь у царева дяди Никиты Ивановича Романова да у одного из князей Черкасских, Якова Куденетовича. Все остальные бояре, титулованные и нетитулованные, уступали Борису Морозову во много раз.

Карьера Глеба Ивановича Морозова, человека вполне заурядного, — как бы отражение карьеры старшего брата. Начали они одинаково — спальниками царя и дядьками царевичей. Но царевич Иван Михайлович, к которому был приставлен Глеб Морозов, сделанный по этому случаю боярином, умер малолетним. С этого времени продвижение Глеба Морозова замедлилось и всецело зависело от успехов его брата. Как и последний, он тоже женился во второй раз и тоже на худородной — на 17-летней красавице Федосье Прокопьевне Соковниной. Соковнины, лихвинские и карачевские дети боярские, попали в среду московской знати по близкому родству с Милославскими. Федосья Прокопьевна, скорее всего, была выдана за Глеба Морозова «из дворца». Она стала «приезжей боярыней» царицы (эта была большая честь), которая всегда обходилась с ней по-родственному и, пока была жива, всегда заступалась за нее перед царем.

Борис Морозов умер в 1662 г. бездетным. Его вотчины наследовал младший брат, который и сам был очень достаточным человеком (2110 дворов по росписи 1653 г.⁶). Почти одновременно с Борисом скончался и Глеб Иванович, и единственным владельцем этого громадного состояния, уступавшего, быть может, только состоянию «именитых людей» Строгановых, оказался отрок Иван Глебович, а на деле его мать Федосья Прокопьевна Морозова.

Ее окружало не только богатство, но и роскошь. Роскошным был ее московский дом. Аввакум вспоминал, что она выезжала в карете с «мусиею и серебром», которую везли «аргамаки многи, 6 или 12, с гремичими цепьми» и которую сопровождало «100 или 200, а иногда человек и триста» слуг. Роскошь проникала и в подмосковные вотчины, что тогда было ново и непривычно. Дело в том, что по старинной традиции боярские вотчины имели чисто хозяйственное назначение. Первым эту традицию нарушил царь Алексей Михайлович, который завел под Москвой несколько роскошных усадеб. Среди них выделялись Измайлово и Коломенское, «восьмое чудо света». Не отставал от царя и его дядька, устроивший с большой пышностью свое село Павловское в Звенигородском уезде, которое стало «подобием дачи», куда боярин «выезжал для развлечений... приглашая в гости... иногда и самого царя»⁷. Их примеру следовал и Глеб Морозов. В хоромах его подмосковного села Зюзина полы были «писаной шахмат», сад занимал две десятины, а на дворе разгуливали павлины и павы⁸. В данном случае царь и братья Морозовы подражали Европе, и прежде всего польским «потентатам». Именно в XVII веке, в эпоху барокко, в Польше начался расцвет усадебной жизни. В походах середины 50-х годов царь имел возможность лицезреть роскошные резиденции магнатов. В этих походах, между прочим, участвовал также Глеб Морозов, состоявший при особе государя.

Учитывая все это — древность и «честь» фамилии Морозовых, их родственные связи с царем и царицей, их положение в думе и при дворе, их богатство и роскошь частной жизни, мы лучше пойдем протопопа Аввакума, который видел нечто совершенно исключительное в том, что боярыня Морозова отреклась от «земной славы»: «Не дивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя: на се бо зван семь, да отрясу бремя греховное. А се человек нищей, непородней и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и серебра не имею, священническа рода, протопоп чином, скорбей и печалей преисполнен пред Господем Богом. Но чудно о вашей честности помыслить: род ваш, — Борис Иванович Морозов сему царю был дядька, и пестун, и кормилец, болел об нем и скорбел паче души своей, день и ночь покоя не имущу». Аввакум в данном случае выражал народное мнение. Народ признал Морозову своей заступницей именно потому, что она добровольно «отрясла прах» богатства и роскоши, добровольно сравнялась с «простецами».

Мы лучше пойдем и поведение московской знати. Не преуспев в попытках образумить заблудшую овцу, увидев, что тщетны даже призывы к материнским ее чувствам, знать все же долго противилась архиереям, которые с таким рвением вели дело боярыни. Особенно усердствовали невежественный Иоаким, тогда чудовский архимандрит, и митрополит Сарский и Подонский Павел — оба люди крайне жестокие. Но даже мягкий патриарх Питирим изменил своему нраву, когда понял, как ненавидит Морозова его «никонианскую веру». «Ревый, яко медведь» (по словам автора Повести), патриарх приказал тащить боярыню, «яко пса, чепию за вью», так что Морозова на лестнице «все степени главою своею сочла». А Питирим в это время кричал: «Утре страдницу в струб!» (т. е. на костер, потому что

тогда было принято сжигать людей «в срубе»). Однако «боляре не потянули», и архиереям пришлось уступить.

Конечно, знать защищала не столько человека, не Федосью Морозову как таковую, сколько сословные привилегии. Знать боялась прецедента. И лишь убедившись, что дело это для нее в сословном отношении безопасно, что оно «не в пример и не в образец», знать отреклась от боярыни Морозовой. На заблудшую овцу теперь стали смотреть как на паршивую овцу — по пословице «в семье не без урода, а на гумне не без урона».

Только братья Морозовой, Федор и Алексей Соковнины, остались ей верны, как была ей верна и княгиня Евдокия Урусова, ее младшая сестра, которая страдала и умерла с нею вместе. Царь Алексей поспешил удалить обоих братьев из Москвы, назначив их воеводами в маленькие города. Это была ссылка, которую никак нельзя назвать почетной. Видимо, царь знал или подозревал, что с сестрами у Соковниных не только кровная, но и духовная связь, что все они стоят за «древнее благочестие». Видимо, царь их опасался — и не без оснований, как показали позднейшие события.

4 марта 1697 г. окольничий Алексей Прокопьевич Соковнин, «потаенный раскольник», окончил свои дни на плахе. Его обезглавили на Красной площади — за то, что вместе со стрелецким-полковником Иваном Цыклером он стоял во главе заговора на жизнь Петра I. Среди казненных заговорщиков был и стольник Федор Матвеевич Пушкин, женатый на дочери Алексея Соковнина. Пушкины, как самая слабая по «чести и месту» ветвь рода Гаврилы Алексича, начали возвышаться в конце XVI века после гибели в опричное время более знатных родичей. XVII век был для Пушкиных периодом наибольших успехов, но окончился он их катастрофой — неожиданной и незаслуженной, потому что казнь одного заговорщика обернулась фактической опалой для всей многочисленной фамилии. Если Морозовы в XVII веке вымерли в буквальном смысле слова, то Пушкиным судьба готовила политическую смерть: отныне и навсегда они были извергнуты из правящего слоя.

Но вернемся к противоборству боярыни Морозовой и царя Алексея. Царь и после разрыва с Никоном остался верен церковной реформе, так как она позволяла ему держать церковь под контролем. Царя очень беспокоило сопротивление старообрядцев, и поэтому он давно был недоволен Морозовой. Он, конечно, знал, что дома она молится по-старому; видимо, знал (через свояченицу Анну Ильиничну), что боярыня носит власяницу, знал и о переписке ее с заточенным в Пустозерске Аввакумом и о том, что московские ее палаты — пристанище и оплот старообрядцев. Однако решительных шагов царь долго не предпринимал и ограничивался полумерами: отбирал у Морозовой часть вотчин, а потом возвращал их, пытался воздействовать на нее через родственников и т. п. В этих колебаниях велика роль печалований царицы Марии Ильиничны, но не стоит сводить дело лишь к ее заступничеству. Ведь после ее кончины (1669 г.) царь еще два с половиной года шадил Морозову. Судя по всему, он довольствовался «малым лицемерием» Морозовой. Из Повести ясно, что она «приличия ради... ходила к храму», т. е. посещала никонианское богослужение. Все круто переменялось после ее тайного пострига.

Если боярыня Федосья «приличия ради» могла кривить душой, то инокине Феодоре, давшей монашеские обеты, не пристало и «малое лицемерие». Морозова «нача уклониться» от мирских и религиозных обязанностей, связанных с саном «верховой» (дворцовой) боярыни. 22 января 1671 г. она не явилась на свадьбу царя с Натальей Кирилловной Нарышкиной, сославшись на болезнь: «Ноги ми зело прискорбны, и не могу ни ходити, ни стояти». Царь не поверил отговорке и воспринял отказ как тяжкое оскорбление. С этого момента Морозова стала для него личным врагом. Архиереи ловко играли на этом. В ходе спора о вере они поставили вопрос прямо (в прямоте и крылся подвох): «В краткости вопрошаем тя, — по тем служебникам, по коим государь царь причащается и благоверная царица и царевичи и царевны, ты причастиши ли ся?» И у Морозовой не оставалось иного выхода, как прямо ответить: «Не причащуся».

Автор Повести вкладывает в уста царя Алексея Михайловича знаменательные слова, касающиеся его распри с Морозовой: «Тяжко ей братися со мною — един кто от нас одолеет всяко». Вряд ли эти слова были когда-нибудь произнесены: не мог же в самом деле самодержец всяя Руси хоть на миг допустить, что его «одолеет» закосневшая в непокорстве боярыня. Но вымысел имеет в своем роде не меньшую историческую ценность, нежели непреложно установленный факт. В данном случае вымысел — это глас народа. Народ воспринимал борьбу царя и Морозовой как духовный поединок (а в битве духа соперники всегда равны) и был всецело на стороне «поединщицы». Есть все основания полагать, что царь это прекрасно понимал. Его приказание уморить Морозову голодом в боровской яме, в «тме несветимой», в «задухе земной» поражает не только жестокостью, но и холодным расчетом. Дело даже не в том, что на миру смерть красна. Дело в том, что публичная казнь дает человеку ореол мученичества (если, разумеется, народ на стороне казненного). Этого царь боялся больше всего, боялся, что «будет последняя беда горши первья». Поэтому он обрек Морозову и ее сестру на «тихую», долгую смерть. Поэтому их тела — в рогоже, без отпевания — зарыли внутри стен боровского острога: опасались, как бы старообрядцы не выкопали их «с великою честью, яко святых мучениц мощи». Морозову держали под стражей, пока она была жива. Ее оставили под стражей и после смерти, которая положила конец ее страданиям в ночь с 1 на 2 ноября 1675 г.

Создавая символ, история довольствуется немногими крупными мазками. Частная жизнь для национальной памяти безразлична. Быт брэнного человека, его земные страсти — все это мелочи, их уносит река забвения. В такой избирательности есть свой резон, потому что история запоминает прежде всего героев, но есть и опасность, потому что подлинный облик человека невольно искажается.

От суриковской Морозовой веет духом фанатизма. Но считать ее фанатичкой неверно. Древнерусский человек в отличие от человека просветительской культуры жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он «окормлялся» верой как насущным хлебом. В Древней Руси было сколько угодно еретиков и вероотступников, но не было атеистов, а значит, и фанатизм выглядел иначе. Боярыня Морозова — это характер сильный, но не фанатичный, без тени угрюмства, и недаром Аввакум писал о ней как о «жене веселообразной и любовной» (любезной). Ей вовсе не чужды были человеческие страсти и слабости.

О них мы узнаем прежде всего от Аввакума, который по обязанности духовного отца наставлял, бранил, а

иногда и ругательски ругал Морозову. Разумеется, бранчивость Аввакума далеко не всегда нужно принимать за чистую монету. Часто это был «терапевтический», целительный прием. Когда Морозова в тюрьме убивалась по умершем сыне, Аввакум писал ей из Пустозерска сердитое письмо, даже назвал ее «грязь худая», а закончил так: «Не кручинься о Иване, так и бранить не стану». Но в некоторых случаях упреки духовного отца кажутся вполне основательными.

После смерти старого мужа Морозова осталась молодой, тридцатилетней вдовой. Она «томила» тело власяницей, но и власяница не всегда помогала. «Глупая, безумная, безобразная, — писал ей Аввакум, — выколи глазища те свои челноком, что и Матридия»⁹. Аввакум имел в виду пример преподобной Матридии, житие которой боярыня знала по Прологу (под 24 ноября). Героиня этого жития выколола себе глаза, чтобы избавиться от любовного соблазна.

Аввакум уличал Морозову и в скупости: «А ныне... пишешь: оскудала, батюшко; поделитца с вами нечем. И я лише рассмеялся твоему несогласию... Милостыня от тебя истекает, яко от пучины морския малая капля, и то с оговором». Со своей точки зрения Аввакум был прав. Когда мы читаем, что боярыня послала в Пустозерск восемь рублей, «батюшку два рубли одному, да ему ж на подел шесть рублей з братьею Христовою»¹⁰, то мы невольно вспоминаем о золоте и драгоценностях, которые она прятала от властей. В данном случае с Аввакумом нельзя не согласиться. Однако это была не просто скупость, а и домовитость рачительной хозяйки. Морозова по своему положению была «матерая вдова», т. е. вдова, которая управляет вотчинами до совершеннолетия сына. Поэтому она и пеклась о том, «как... дом строен, как славы нажить больше, как... села и деревни стройны». «Матерая вдова» хранила для сына богатства, накопленные его отцом и дядей. Она надеялась, что сын, как бы ни сложилась судьба матери, будет жить в «земной славе», приличествующей его знаменитому роду.

Морозова очень любила своего Ивана. Чувствуя, что терпению царя приходит конец, что беда у порога, она спешила женить сына и советовалась с духовным отцом насчет невесты: «Где мне взять — из добря ли породы или из обышныя. Которыя породю полутче девицы, те похуже, а те девицы лутче, которыя породю похуже». Эта цитата дает наглядное представление о Морозовой. Ее письма — женские письма. Мы не найдем в них рассуждений о вере, зато найдем жалобы на тех, кто смеет «абманывать» боярыню, найдем просьбы не слушать тех, кто ее обносит перед протопопом: «Што х тебе ни пишеть, то все лошь». Та, что диктовала, а иногда своей рукой писала эти «грамотки», — не мрачная фанатичка, а хозяйка и мать, занятая сыном и домашними делами.

Поэтому понятно ее «малое лицемерие», понятны колебания, которые отразились и в Повести. Там, где речь идет о пытке, автор пишет, что Морозова и с дяды «победоносно» обличала «лукавое их отступление». Здесь очевидно влияние житийного канона, согласно которому страдалец за веру всегда переносит пытки не только мужественно, но и «радостно». Но гораздо сильнее и по-человечески достовернее конец этого эпизода, когда боярыня заплакала и сказала одному из надзиравших за пыткой: «Се ли христианство, еже сице человека умучити?»

И умирала она не как житийная героиня, а как человек. «Раб Христов! — зывала замученная голодом боярыня к сторожившему ее стрельцу. — Есть ли у тебе отец и мати в живых или преставилися? И убо аще живы, помолимся о них и о тебе; аще ж умроша — помянем их. Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогах от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика». И когда тот отказал («Ни, госпоже, боюся»), она из ямы просила у него хотя бы хлебца, хотя бы «мало сухариков», хотя бы яблоко или огурчик — и все напрасно.

Человеческая немощь не умаляет подвига. Напротив, она подчеркивает его величие: чтобы совершить подвиг, нужно быть прежде всего человеком.

А. М. Панченко

¹ Цит. по кн.: Кончаловская Наталья. Дар бесценный. М., 1965, с. 151.

² Повесть о боярыне Морозовой. Подготовка текстов и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979.

³ О генеалогии Морозовых и других боярских родов см. в кн.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. Изд. 3-е. М., 1901, с. 101.

⁵ См.: Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сб. памяти А. А. Новосельского. М., 1975, с. 93.

⁶ Там же. Для сравнения укажем, что по расчету Я. Е. Водарского в это время у думных людей было в среднем дворов: у бояр по 1567, у окольных по 526, у думных дворян по 357.

⁷ Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967, с. 46.

⁸ См.: Тихонов Ю. А. Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVII — начале XVIII в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 139-140.

⁹ Эту фразу любопытно сопоставить с одним случаем из молодости Аввакума, о котором он рассказал в своем Житии: «Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехами обремененна, блудному делу... повинна... Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи, и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение» (Житие — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989, с. 356). Здесь Аввакум прямо поступил «по Прологу»: в Прологе под 27 декабря есть аналогичный рассказ о монахе и блуднице.

¹⁰ Конечно, восемь рублей — немалые деньги по тем временам. Но Аввакуму и его пустозерским «союзникам» приходилось тратить больше, чем какому-нибудь жителю Москвы. Вот пример: чтобы отослать письмо Морозовой, Аввакуму пришлось дать стрельцу целую полтину.

Повесть о боярыне Морозовой

Месяца ноемврия во 2 день, сказание отчасти о доблести и мужестве, и изящном свидетельстве, и терпеливodusном страдании новоявленной преподобновеликомученицы боярыни Феодосии Прокопиевны, нареченной во инокинях Феодоры, по тезоименству земныя славы Морозовы, и единокровной сестры ее и сострадалицы ее, благоверной княгини Евдокии, и третей соузницы их Марии; имать же сия повесть поведание вкратце.

Сия убо блаженная и приснопамятная родися от родителю благородну и благочестиву — отца Прокопия, сигклитика царствующего града Москвы, пореклом словяше Соковнин, мати же ее бяше Анисия; и бяху человека благоверна и боящася Бога. Егда же сия достиже возраста и бяше седми-на-десяти лет, тогда родителя ее сочтаста ю законному браку за боярина Глеба Ивановича Морозова; и бывши мати, роди бо сына по явлению великаго Сергия-чудотворца, и наречен бысть Иван.

Брат же Глебов, Борис Иванович Морозов, вельми любляше сноху свою духовною любовию, сию Феодосию. Егда убо прихождаше к нему в дом, тогда он сам среташе ю любезне и глаголаше: «Прииди, друг мой духовный, поиди, радость моя душевная!» И сядяци на мног час, беседоваху духовныя словеса. И провождаючи ю, глаголаше: «Днесь насладихся паче меда и сота словес твоих душеполезных!»

И мала лета пожив, оста вдовою, имущи с собою сиротою сына своего Ивана. Научена же бысть добродетельному житию и правым догматам священномучеником Аввакумом протопопом, Егда же токмо уведо о православии, возревнова зело и развращенного всего отвратися. И бысть к ней присылка по повелению цареву: Иоаким, архимарит чудовский, и Петр-ключарь. Она же крепко свидетельствовала и зело их посрами. И ея ради обличения — крест на просвирах во всей России потребили, — а у ней польотчин отняли; она же, аще и многи скорби приимаше, обаче благочестия не едином же образом отступити не хотяше, но и умрети о правде изволяше.

Упрощением царицы Марии, понеже зело милостива к ней была и любила ея за добродетель, по сем искушении малу ослабу получи, и потом многи милостыни сотвори, много имения расточи неимущим, многих с правезу скупи [от наказания откупи]. И монастырем довольная подаваше, и церквам потребная приношаше, пустынников многих потребными удовлеваше, прокаженных в дому своем упокоеваше.

Последи же от страдальца отца Трифилия уведо о некоей инокине благоговейной, именем Мелании, и призвавши ю, и слышав словеса ее, возлюбил зело, и изволил ю в мать себе избрати. И смирившись Христа ради, отдадеша ей под начал, и до конца отсече свою волю. И сие пребысть до конца опасная [старательная] послушница, яко и до дня смерти своей ни в чем повеления ее не ослушалася.

И от тоя Мелании наставляема, уже в конец постиже разумети и сотворити всякое богоугодное дело: по темницам с нею ходяци пешима ногама и милостыню носяци, и по чудотворным местам обтичючи обе купно зело рано, яко Мария Магдыльни и Мария Ияковля ко гробу Господню, тако и сии голубицы в собор, и в Чудов, и к ризе Господни, на ся, яко достойни, возлагающе ризу Господню и целующе устнама с теплыми слезами, чудотворцев же мощи лобызающе верными душами.

Потом же Феодосия тщася всяку волю Божию делом совершить и нудяше плоть свою на постнические подвиги; питаше бо ся постом и цветяше молитвами, смертною памятию содрогашеся и радостотворным плачем исполняшеся, жегома и разжигаемая огнем Божия любви распадающиеся — не згараше, но Дух Святой ю орошаше.

И не вем аз, о которой добродетели не прилежаше, наипаче же всего яко крепкое основание полагаше православную веру, ведущи известно, яко без веры невозможно угодити Богу. И дерзновенно реку: достойно и праведно сей блаженной со Фезвитянином-пророком глаголати и со оруженосным огнеколесничником Илиею славным громогласно вопити: «Ревнуя, поревновах по Господе Бозе Вседержителю! <Они же> яко кафолическую веру оставиша, а римляно-латинския догматы возлюбилша, и рабы Божия избиша, и тщатся до конца церковь Божию раскопати!»

И елицы убо (аще и от сродник ей бяху) держажу же ся никониянства, — без сомнения их обличаше.

Михайло Алексеевич Ртищев со дщерию своею Анною, аки возлюбленнии сосуди

Никоновы, многожды и у нея в дому сидяще, начинаху Никона хвалити, и предание его блажити, искушающе ю и надеюющея, егда како возмогут ю поколебати и на свой разум привести. И глаголюще: «Велик и премудр учитель Никон-патриарх, и вера, преданная от него, зело стройна, и добро и красно по новым книгам служить!»

Помолчав, отверзает уста Прокопиевна: «Поистине, дядюшко, прельщени есте и такова врага Божия и отступника похваляете, и книги его, насеянные римских и иных всяких ересей, ублажаете! Православным нам подобает книг его отвращатися и всех его нововводных преданий богомерзких гнушатися, и его самого, врага церкви Христовы, проклинати всячески!»

Старейший же сединовец [*седовласый*] еще понуждает я, рекущи: «О, чадо Феодосие! Что сие твориши? Почто отлучилася от нас? Не видиши ли виноград сей?» (О детех сидящих се глаголет.) — «Только было нам, зря на них, яко на леторасли масличныя, веселитися и ликовати, купно с тобою ядуще и пиюще, общею любовию, но едино между нами рассечение стало! Молю тя: остави распрю, прекрестися тремя персты и прочее ни в чем не прекослови великому государю и всем архиереям! Вем аз, яко погуби ты и прельсти злейший он враг, протопоп, его же и имени гнушаюся воспомянути за многую ненависть, его же ты сама веси, за его же учение умрети хочещи — реку же обаче — Аввакума, проклятого нашими архиереи!»

Добляя же, яко видя старика безумствующа, осклабляшеся [*улыбаясь*] лицом и тихим гласом рече: «Не тако, дядюшко, не тако! Несть право твое отвещание: сладкое горьким нарицаеши, а горькое сладким называеши. А отец Аввакум — истинный ученик Христов, понеже страждет за закон Владыки своего, и сего ради хотящим Богу угодити довлеет его учения послушати!» И ина множайшая сих изрече, и всегда с ними брань неукротиму бяше, и помощь Христовую посрамляше их.

Единою же Анна сия, Михайловна, нача ей вещати: «О, сестрица голубушка! Съели тебе старицы-белевки [*т. е. из Белевского уезда*], проглотили твою душу, аки птенца, отлучили тебе от нас! Не точию нас ты презрела, но и о единородном сыне своем не радиши! Едино у тебе и есть чадо, и ты и на того не глядишь. Да еще каковое чадо-то! Кто не удивится красоте его? Подобаше тебе, ему спящу, а тебе бдети над ним и поставить свечи от чистейшего воска, и не вем, каковую лампаду жеши над красотою зрака его и зрети тебе доброты лица его и веселитися, яко таковое чадо драгое даровал тебе Бог! Многожды бо и сам государь и с царицею вельми дивляхуся красоте его, а ты его ни во что полагаеши, великому государю не повинуешися. И убо еда како за твое прекословие приидет на тя и на дом твой огнепальная ярость царева, и повелит дом твой разграбити — тогда сама многи скорби подымеши, и сына своего нища сотвориши своим немилосердием!»

Феодосия же отверзе священная своя уста и рече: «Неправду глаголеши ты! Несмь бо аз прельщена, яко же ты глаголеши, от белевских стариц, но по благодати Спасителя моего чту Бога-Отца целым умом, а Ивана люблю аз и молю о нем Бога беспрестани, и радею о полезных ему душевных и телесных, а еже вы мыслите, еже бы мне Ивановы ради любви душу свою повредить или сына своего жалеючи благочестия отступити», — и сия рекши, знаменася крестным знамением и глагола: «Сохрани мене, Сын Божий, от сего неподобного милования! Не хочу, не хочу, щадя сына своего, себе погубити! Аще и единороден ми есть, но Христа аз люблю более сына! Ведомо вам буди: аще умышляете сыном мне препяти от Христова пути, то никогда сего не получите! Но сице вам дерзновенно реку: аще хочете, изведите сына моего Ивана на Пожар и предадите его на растерзание псом, страха мене, яко да отступлю от веры, то аз не хочу сего сотворити! Аще и узрю красоту его псы растерзова ему, благочестия же не помыслю отступити! Ведьи буди известно, яко аще аз до конца во Христове вере пребуду и смерти сего ради сподоблюся вкусить, то никто ж его от руку моею исхитити не может!»

Сия слышавши, Анна яко от грома ужасошися от страшных ея словес и преизлиха дивляшеся крепкому ея мужеству и непреложному разуму.

Моляше же ся Феодосия многожды Богу, яко да дасть и сестре ее княгине Евдокии таковую же любовь ко Христу и попечение имети о душе, словесы же наказоваше ю с любовию намнозе и увеща ю, еже предатися в повиновение матери Мелании. Она же зело радостне и с великим усердием умоли мать, еже бо попеклася о спасении души ее. Мати же надолзе отрицашеся, но обаче княгиня многими слезами возможе, и бысть послушница изрядна. И не точию во едином послушании, но и во всех добродетельных нравах ревноваше старейшей сестре своей Феодосии, и

тщашеся во всем уподобиться ей: постом и молитвами, и к юзником посещением. И тако уподобися ей, яко бы рещи: «Во двою телесех едина душа!»

Феодосия же начат мыслию на большая простиратися, желая зело аггельскаго образа. И припаде к матери, лобызаше руке ее, и поклоняся на землю, моляше, яко да облечет ю во иноческий чин. Мати же паки отлагаше многих ради вещей². Первое — мыслящи, — яко вещи сей невозможно есть в дому утаитися, и аще уведено се будет у царя — многим людем многие будут скорби, распросов ради уведения: «Кто постриг?» А другое дело — и еже из дому скрытися — другая беда. Третье: аще и утаится, приспе время сына браком сочетати, и убо ту потреба быти многой молве и попечению, и о свадебных чинех уряжение, а инокам таковая творити не в лепоту. Четвертое: потреба, еже до конца ошаятися [*воздерживаться*] и малого оногo лицемерия и приличия ради уже не ходити к храму, но стати до конца мужески.

Она же зело распадающийся любовию Божию и зельно желаше насытнюю любовию иноческого образа и жития.

Мати же и в сем паки видя веру ее велию, и усердие многое, и непреложный разум, изволи быти сему: молит отца Досифея, яко да сподобит ю аггельскаго одеяния. Он же постриже ю, и наречена бысть Феодора, и даде от Евангелия матери Мелании.

Тогда блаженная Феодора, яко сподобися такового дара Божия великого и яко желанный ей аггельский иноческий чин зря на себе, начат вдаватися большим подвигам: посту, и молитве, и молчанию, а от домовых дел, от всех, нача уклонятися, сказующи себе болящу; и всякия судныя дела приказала ведати верным людем своим.

Егда же приспе брак царев, егда поят царицу Наталию, тогда Феодора не восхоте на брак царев прийти с прочими боляроными, и тяжко си вмени царь Алексей, понеже ей достояше в первых стояти и титу царскую говорити. И последи прилежнее зва ю, и до конца отречесе, рекущи, яко «Ноги ми зело прискорбии, и не могу ни ходити, ни стояти!» Царь же рече: «Вем, яко загордилася!»

Преподобная же сего ради не восхоте прийти, понеже тамо в титуле царя благоверным нарицати и руку его целовати, и от благословения архиереев их невозможно избыти. И изволи страдати, нежели с ними сообщатися, едущи бо, яко се дело просто царь не покинет, яко же и бысть: все бо то лето зело на ню гневался, и начат вины искати, како бы ю аки не туне изгнати. И уже близ есени приела к ней болярина Троекурова, и с месяц поноровя [*потерпев, подождав*] — князь Петра Урусова, с выговором, еже бы покорилася, приняла все новоизданные их законы; аще ли не послушает, то быти бедам великим.

Она же дерзаше о имени Господни и болярам тем отказоваше: «Аз царю зла не вем себе сотворшу, и дивлюся, почто царский гнев на мое убожество? Аще ли же хочет мя отставити от правые веры, и в том бы государь на меня не кручинился, но известно ему буди: по се число Сын Божий покрывал своею десницею, ни в мысли моей не приях когда, еже отставя отеческую веру и принята Никоновы уставы! Но се ми возлюблено, яко в вере христианской, в ней же родихся, и по апостольским преданиям крестихся, в том хошу и умрети. И прочее довлеет [*подобаает*] ему, государю, не стужати [*не стыдитъ*] мне, убозей ми рабе, понеже мне сей нашей православной веры, седмию вселенскими соборы утверженной, никако никогда отрещися невозможно, яко же и прежде множицею сказах ему о сем».

Послании же пришедше и поведеху царю мужественныя словеса ее. Он же паче множае гневом распаляшеся, мысля ю сокрушите, и глагола предстоящим: «Тяжко ей братися со мною! Един кто от нас одолеет всяко!»

И нача с боляры своими совет творите о ней, что ей хочет сотворите. И бысть в Верху [*во дворце в Кремле*] не едино сидение об ней, думаяще, како ю сокрушат. И боляре убо все, видяще неправедную ярость и на неповинную кровь состав злый, не прилагахуся к совету, но точию возразити злого не могуше, страха же ради молчаху. Наипаче же арю на сие поспешествоваху архиереи, и старцы жидовские, и иеромонахи римские. Тии бо зело блаженную ненавидяху, и желаяще ю всячески, яко сыроядцы, живу пожрати, понеже сия ревнительница везде будущи — и в дому своем при гостех, и сама где на беседе — несумнение потязаше [*обличала*] их прелесть и при множестве слышащих поношаше их блядство [*обман*] заблужденное, а им во уши вся сия приходяше. И сей ради вины ненавидяху ее, и сиче у них думе идущи.

У Феодоры в то время в дому живяху пятерица инокинь изгнанных, и прошахуся у нея, да

отпустит их, чтобы и их тут не захватили. А она не можаше насытитися их любви, зело бо радовашеся, зря в нощи на правиле себе с ними Христу предстоящу, и на трапезе их с собою ядущих. И сего ради держа их после первого выговору, седмиц яко пять, и скорбящим им глаголаше: «Ни, голубицы мои, не бойтеся! Ныне еще не будет ко мне присылки». Княгиня же Евдокия во вся сия дни с нею и с ними такожде неразлучна бяше, и любезную сестру свою в скорбех ее утешаше, и точию на мало время в дом ко князю отъезжала, более же ту пребываше.

Егда же приспе ноября 14 число, рече Феодора старицам: «Матушки мои, время мое прииде ко мне! Идите вси вы каяждо, а може Господь вас сохранит, а мне благословите на Божие дело и помолитесь о мне, яко да укрепит мя Господь ваших ради молитв, еже страдати без сомнения о имени Господни!» И тако любезне целовав, отпусти их с миром.

В мясопуст же отъиде и княгиня в дом свой; и седящи с князем на трапезе и вечеряючи, начат ей князь поведовати, что у них в Верху творится, и рече: «Скорби великие грядут на сестру твою, понеже царь неукротимым гневом содержим, и изволяет на том, что вскоре ее из дому изгнати!» И сия изрек князь, начат другая глаголати: «Княгиня, послушай, еже аз начну глаголати тебе, ты же внемли словесем моим! Христос во Евангелии глаголет: «Предадут вы на сонмы, и на соборицах их биют вас, пред владыки же и царя ведени будете мене ради, во свидетельство им. Глаголю же вам, другам своим: «Не убойтеся от убивающих тело, и потом не могущих лишше что сотворити». Слышиши ли, княгини? Се Христос сам глаголет, ты же внемли и напамятуй!» Княгиня о сих глаголах зело радовашеся.

Во утрие грядущу князю ко царю в Верх, моли его княгини, яко да отпустит ю к Феодоре. Он же рек: «Иди и простися с нею, точию не косни тамо, мною бо аз, яко днесь присылка к ней будет». Она же пришедши и укусне в дому ее до нощи. И ждушим им гостей.

И се во второй час нощи отворишася врата большие. Феодора же вмале ужасшися, разуме, яко мучители идут, и яко преклонися на лавку. Благоверная же княгиня, озаряема духом святым, подкрепи ю и рече: «Матушка-сестрица, дерзай! С нами Христос — не бойся! Востани, — положим начало [*начнем молиться*]». И егда совершиша семь поклонов приходных, едина у единой благословишася свидетельствовати истину.

Феодора възляже на пуховик свой, близ иконы пресвятыя Богородицы Феодоровския, княгиня же отъиде в чулан, иже устроен в той же постельной, его же содела Феодора наставнице своей Мелании, и тамо княгиня подобие възляже.

И се Иоаким, архимарит Чудова монастыря, грядяше с великою гордостью, и вниде в постельную дерзко, и виде ю възлежащу, поведи ей послана себе быти от царя, и понуди ю, яко да востанет, да — или стоящи или поне едящи — ответ творит противу царских словес, повеленных ему глаголати пред нею. Она же не повинуся сего сотворити.

Тогда архимарит истязи ю: «Како, — рече, — крестишися и како еще молитву твориши?» Она же, сложа персты по древнему преданию святых отец и отверзши преосвященная уста своя, и воспе: «Господи Иусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Сице аз крещуся, сице же и молюся!»

Архимарит же паки второе истязание принесе: «Старица Меланья, — а ты ей в дому своем имя нарекла еси Александра, — где она ныне? Повеждь вскоре, потребу бо имама о ней!»

Блаженная же Феодора отвеща: «По милости Божий и молитвами родителей наших, по силе нашей, убогий наш дом отверсты врата имяше к восприятию странных рабов Христовых. Егда бе время, бысть и Сидоры, и Карпы, и Меланьи, и Александры; ныне же несть от них никого же».

Думный [*дьяк*] же Иларион Иванов ступи в чулан и не бе в чулане света, и виде человека възлежаща на одре, и вопросы: «Кто ты еси?» Княгиня же отвеща: «Аз князь Петрова жена есмь, Урусова». Он же яко устранился и яко огнем опаляем, вспять выскочи.

Видя же архимарит думного сие сотворша, и рече: «Кто тамо есть?» Он же рече: «Княгиня Евдокия Прокопиевна, князь Петра Урусова». Архимарит рече: «Вопроси ю, како крестится». Он же, не хотя сего сотворити, глаголя: «Несмы послани, но токмо к боляроне Феодосии Прокопиевне». Иоаким же паки: «Слушай мене, аз ти повелеваю: истязи ю».

Тогда думный приступль, вопросы ю и исповеда. И не отвержеся, но възлежащи на одре и левыя руки локтем подкрепляющися, и десницею сложа персты — великий палец со двема малыми, указательный же с великосредним — протягши и показуя думному, глаголяше усты, господи Иуса Сыном Божиим величаючи: «Сице, — рече, — аз верую!» Думный же, изшед, поведи архимариту.

Он же, от великия ярости не могий надолзе терпети, видя свое зловерие благоверными женами попираемо, рече думному: «Пребуди ты zde, дондеже аз, шед тамо, повем сие цареви». И с словом скоро потече, и прииде ко царю.

Царю же сядящу посреде боляр в Грановитой полате, и приближився близ, и пошепта ему во ухо, яко же: «Не точию болярона ста мужески, но и сестра ея, княгиня Евдокия, обретшаяся у нея в дому, ревнующи сестре своей, крепче твоему повелению сопротивляется». Царь же рече: «Никако же, аз бо слышах, яко княгиня тая смирен обычай имать и не гнушается наша служба; люта бо она сумасбродная та».

Тогда архимарит, человеконенавистне вждаше [*наговаривал*] на ню, рекущи: «Не точию конечно уподобися во всем сестре своей старейшей, но и злейши ее ругается нам». Тогда царь рече: «Аще ли тако есть, то возьми и тую». Князь же Петр ту стоя и слышав сия словеса, оскорбися, а помощи делу не возможе.

И пришед паки архимарит в дом мученицы, и елицы предстояху пред нею, тех нача истязати, рабынь ея, и аще кии обрящутся от них, ревнующе в вере госпожи своей. Диякон же черной Иосаф, стояше вне, у дверей, и рече ко архимариту: «Вопроси Ксенью Иванову! Истяжи Анну Соболеву!» И сотвори тако. Они же обе укрепишася и исповедаша, показующе сложение перст, и молитву творяще, о Сыне Божии надеющиеся. И поставиша их особь на страну. Прочий же убояшася вси и поклонишася. И тех поставиша ошуюю страну.

И потом рече архимарит боляроне: «Понеже не умела еси жити в покорении, но в прекословии своем утвердилася еси, сего ради царское повеление постиже на тя, еже отгнати тя от дому твоего! Полно тебе жити на высоте — сними долу! Востав, иди отсюда!» Блаженная же ни сего хотяше сотворити. Тогда он повеле людям взяти ю и нести. И принесоша кресла, и посадивше ю повелением Иоакимовым, и несоша на низ. Сын же преподобной Иван Глебович проводи ю до среднего крыльца и поклонився ей создади (она и не видящи его), и паки и возвратися вспять.

Феодору же и Евдокию, возложше на них на нозе железа конские, и посадиша их в людские хоромы в подклете, и заповедаша людем блюсти их стражею, и отъидоша.

И по двои дни прииде паки думный Иларион, и снем с ногу железа, и повеле им ити, идеже поведут. Блаженная же Феодора не восхоте ити и повеле слугам ея нести ю. И принесше сукна, и посадивше ю, несоша повелением думного до Чудова монастыря, с нею же ведена и княгиня Евдокия.

И принесоша Феодору, и вшедши во едину от полат Вселенских, и по обычаю образу Божию поклонившися, влаstem же мало и худо поклонение сотвори. Бяху же ту Павел, митрополит Крутицкой, и паки Иоаким, архимарит Чудовской, и думный, и инии. Блаженная же Феодора не восхоте стоящи глаголати с ними, но сядящи ответ им творяше. И много нуждаху ю, яко да постоит, и не восхоте.

Тогда Павел-митрополит начат ей глаголати тихо, воспоминая честь ея и породу: «И сие тебе, — рече, — сотвориша старцы и старицы, прелестившии тя, с ними же любовне водилася еси и слушала учения их, и доведоша тя до сего бесчестия, еже приведене быти честности твоей на судище». Потом же многими словесы кротяще ю, увещаваху, яко да покорится цареви. И красоту сына ея воспоминах, яко да помилует его и да не сотворит дома его разорена быти своим прекословием.

Она же противу всех их словес даяше им премудрые ответы. «Несмы, — рече, — прельщена, яко же глаголете, от старцев и стариц, но от истинных рабов Божиих истинному пути Христову и благочестию навыкох, а о сыне моем престаните ми многая глаголати; обещах бо ся Христу моему, свету, и не хочу обещания солгати и до последнего моего издыхания, понеже Христу аз живу, а не сыну!»

Они же видеша мужество ея непреклонное и не могуще ея препрети и восхотеша ю поне си устрашити, и рекоша ей таково главизну: «Понеже крепко сопротивляешися словесем нашим, прочее в краткости вопрошаем тя, — по тем Службникам, по коим государь-царь причащается, и благоверная царица, и царевичи, и царевны, ты причастиши ли ся?» Она же мужеским сердцем рече: «Не причащуся! Вем аз, — рече, — яко царь по развращенным Никонова издания Службникам причащается, сего ради аз не хочу!» Митрополит еще: «И како убо ты о нас всех мыслиши? Еда вси еретицы есмы?» Она же паки отвеща: «Понеже он, враг Божий Никон, своими ересми, аки блевотиною, наблевал, а вы ныне то сквернение его полизаете, и посему яве, яко

подобни есте ему». Тогда Павел Крутицкой возопи вельми, глаголя: «О что имамы сотворити? Се всех нас еретиками нарицает!» Иоаким же и той вопияше: «Почто, о архиерею Павле, нарицаеши ю материю да еще и праведною? Несть се, несть! Не бо Прокопиева дщи, прочее, но достоин ю нарицати бесову дщерь!» Блаженная же отказоваше Иоакиму: «Аз беса проклиною! По благодати Господа моего Иуса Христа, аще и недостойна, обаче дщерь Его есмь!» И бысть ей прения с ними от 2-го часа нощи до десятого.

Потом приведоша благочестивую княгиню и вопросиша. И та подобие во всем мужество показа. И паки Феодору повелеша людем и несоша ю на сукне в дом ея, и посадиша в той же подклет, идеже два дни седяху, с нею же паки и княгиню. И железа им возложиша на нозе.

Тогда блаженная Феодора рече ко княгине: «Аще нас разлучат и заточат, молю тя, поминай в молитвах своих убогую мя, Феодору». Святая же Евдокия удивися, яко присно вкупе бе, а не уведо сего.

Во утрии же день по истязании их, еже со властью, прииде думный, и принесени быша чеши со стулами, и снемше с ног железа, и начаша чеши на выи их возлагать. Блаженная же Феодора, прекрестивши лицо свое знаменем креста и поцеловав огорлие [ошейник] чеши, рече: «Слава тебе, Господи, яко сподобил мя еси Павловы юзы возложити на ся». И повелел думный людем и всадиша ю на дровни, и поведено бысть конюху вести. Она же седши и стул близ себе положи. И везена бысть мимо Чудова под царские переходы. Руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изобразивши сложение перст, висоце вознося, крестом ся часто ограждаше, чешию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходах царь смотрит победы ее, сего ради являше себе не точию стыдетися ругания ради их, но и зело услаждатися любовию Христовою и радоватися о юзах.

Евдокию же княгиню подобие обложив юзы железными, и отведена бысть во Алексеевский монастырь, и тамо поведено держати ее под крепким началом и водити в церковь. Святая же таково мужество показа, яко всему царствующему граду дивитися храбрости ее, како доблествене сопротивляшеся воли мучительстей: не точию бо своими ногама никогда не восхоте, аще и вельми нудима бе к пеню их прийти, но аще и на носиле влачаху ее рогознем (такое повелено бысть), то она не соизволяет еже и на носило возлещи сама. Но и здрава сущи, к тому часу сотворит себе, яко расслаблену и не могущи ни рукою, ни ногою двинути. Старицам же, пришедшим и воздвизающим ю, бе иногда стужати, и даже до сего бесстыдствующи, еже святое оно и аггелопепное лице ея дерзостне зашити, рекущи: «Горе нам! Что можем с тобою сотворити? Сами бо видехом, яко в час сии здрава бе и беседова со своими весело; егда же мы приидохом, на молитву зовуще, тогда внезапно, яко омертве, нам велики труды творящи. Се бо превращаем, яко мертву и недвижиму».

Непорочная же агница отвещевает им: «О старицы беднии! Почто труждаете всеу? Егда аз вас понуждаю труд сей творити? Но сами вы безумствующе, всеу шатаетесь! Аз бо и вас зря, погибающих, плачюся, како же аз сама помыслю егда ити в собор ваш? Тамо у вас поют, не хваляще Бога, но хуляще его, Спасителя, и законы его попирающе». И тако возлагаху святую на носило, яко мертвое тело, и влачаху к пеню.

Егда же блаженная узряше кого егда от верных и знаемых, стояща на монастыри и зряща тризница [борения] ея, глаголаше, стоня: «Увы, утомихся! Станите мало!» И старицы положат носило на земли. Глаголаше великая: «Старицы! Что се творите, влачаще мя? Егда аз хочу молитися с вами? Никако же, несть право, еже со отступльшими закона Христова обще молитися нам, християнам, но реку вам нечто: прилично убо, идеже ваше пение возглашается, тамо, на нужную потребу исходя, излишие утробное испражняти — тако бо аз почитаю вашу жертву!»

Феодоре же отвезене бывши на подворие Печерского монастыря, и приставлена бысть к ней стража крепкая: два головы стрелецкие, пременяющеся с десятию воины, стражаху.

Елена же с прочими сестрами кряхуся страха ради, и не могуща уведети о святей Феодоре целую неделю, и тужаху зело, и плакаху много, аки младенцы, от матери отлучени.

В день же 27 ноября, на день Знамения пресвятыя Богородицы, обрете ю Елена Божиим благоволением чудне вельми. Великой убо Феодоре ишедши на задний крылец, идеже исходят на нужную потребу, Елене же по улице той шедши — и тако Божиим мановением познастася. Бе же и на улице то место таковую же потребу имать, еже ходити ту человекам на облегчение чрева. И ту стоящи Елена приближне и беседова с Феодорою, на высоте ей стоящи.

И рече блаженная: «О возлюбленная ми Елено! ничто мене тако не оскорбило во днех сих, яко же разлучение ваше: ни отгнание из дому, ни царский гнев, ни властельское истязание, ни юзы, ни стража. Вся ми сия любезна о Христе! Но зело ми тошно, еже более седмицы не знаю, не ведаю о вас. Господа ради, не покиньте мене, не съезжайте с Московы, будьте ту! Не бойтесь! Уповаю на Христа, покрывает вас. Ниже бо о сродницах по плоти тако болезную, о вас же рыдая не престаю. Вся о укреплящем мя Христе возможно ми суть, единого же сего до конца не могу терпети!»

Мария же, сопричастница подвига их, во время гнева царева на блаженную Феодору умысли бежати. По некоему же языку бысть за нею посылка и ята бысть в Подонской стране, и привезена к Москве, и такожде истязана, и подобие во всем поревнова блаженным сестрам Феодоре и Евдокии, зело бо сопротивился им, и пред всеми похвали древнее благочестие, а новых догмат отвержеся приятия. И посадиша ю, окопаша [*в подземелье*], под Стрелецким приказом.

К Феодоре же часто приезжаше митрополит Иларион Рязанский. Она же тако мужественне с ним стязовашася, яко и вельми ему посрамлену бывати и безответну множицею отходити.

Видя же себе Феодора железы тяжкими обложену и неудобством стула томиму, радовашеся. О едином же скорбляше и к наставнице своей матери Мелании своею рукою писаша: «Увы мне, мати моя, не сотворих ничто же дело иноческого! Како убо возмогу ныне поклоны земные полагати? Ох, люте мне, грешнице! День смертный приближается, аз, унылая, в лености пребываю! И ты, радость моя, вместо поклонов земных благослови мне Павловы юзы Христа ради поносить! Да еще: аще волиши, благослови мне масла кравия, и млека, и сыр, и яиц воздержатися, да не праздно мое иночество будет, и день смертный да не похитит мя неготову! Едина же точию повели ми постное масло ясти».

Мати же на страдание подаде ей благословение, рекущи: «Стани доблествене, и Господь да благословит тя юзы Его ради носити! И пойди, яко свеща, от нас к Богу на жертву! О брашнях же: вся прилучающаяся да яси».

Царю же по взятии Феодорине во многи дни сидящу с боляры своими и мыслящу, что бы ей сотворити за мужественное ее обличение. Феодора же, брата ее, призвав пред ся, вельми истязоваше его о многих вещех, вопрошая его: «Повеждь ми, где Мелания? Ты вся тайны сестры своя свеси!» И вельми на Феодора належаше гневом.

А Ивана Глебовича приказал беречи людям; отрок же от многой печали впаде в недуг. И приела к нему лекарей своих, и так его улечиша, яко в малых днях и гробу предаша. И умершу Ивану.

Прислан сказати Феодоре смерть сына ее поп-никониянин, иже злоумен сый, досаждаше святой, приводя от псалма 108-го глаголы, реченные о Иуде. Нечестивый бескуфейник ко блаженной приписоваше, якобы сего ради, занеже отвратися веры их, прийти на ню Божию наказанию, и еже положитися дому ее пугну, и живущего не имети. Премудрая же разумница не внимаше о сем буести их; уведевши же смерть возлюбленного си сына, оскорбися вельми и падши на землю пред образом Божиим умильным гласом плакаше, рыдающе, вещаше: «Увы мне, чадо мое, погубиша тя отступницы!» И пребысть на мног час, не востающе от земли, воспущающе о сыне си надгробные песни, яко и инем слышащим рыдати от жалости.

Царь же о смерти Иванове порадовася, яко свободнее мысляще без сына матерь умучити. Не точию же се, но и двою брату ею, Феодору и Алексея, оваго — на Чугуев, оваго — на Рыбное яко бы на воеводство, паче же в заточение поотсла [*отослал*]. Феодор бо на власти своей толико обогатися, яко и своих рублей тысячу прожил. Се же царь творяше от великой злобы на блаженную, мысляше, яко да ниоткуда же никако же никакова рука да не приблизится, помогающе им в скорбех тех великих, но обаче Бог бяше с ними.

После Ивановы же смерти все имение расточи; отчины, стада, коней разда болярам, а вещи все — златые и серебряные, и жемчужные, и иже от драгих камней, — все распродати повеле. И разоряюще полату, множество злата обретоша в стене заздано [*заделано*]. Един же от раб Феодориных — Иван — повелением госпожи своя некие драгие вещи положи у некоего, мнящася верна быти, и наваждением жены его предан бысть, и мучен вельми, огнем жгом, и прочее, истязаем ошестером. И вся претерпе доблествене и аки добрый раб и верный нелицемерне поревнова госпоже своей, наконец сожжен в Боровске с прочими мученики.

Посем же якобы умилися царь, повеле дати Феодоре две от рабынь ея, яко да послужат ей в

юзах ее. И притекоша с великою радостью Анна Аммосова и Стефанида, прозываема Гнева, и служаху ей. Княгине же праведней аще и не достася по жребию рабыня на службу ее, воздвиже Бог честнейшу от рабынь — господскую дочь — послужити господству ее. Акилина девица, боярская дочь, всегда служила ей, приходя к ней и отходя. Последи и сама Акилина пострижеся и наречена бысть Анисия.

Марии же тамо сядящи и беду приимаше более обою сестр: бесстуднии воины пакости творяху ей невежеством, приходяху же к ней и попы никонианские и много ее смущающе и укоряюще яко раскольницу. Единою же приидоша к ней, яко бес со дияволом, сиречь поп со дияконом, и нуждаху ее да прекрестится тремя персты, и не хотяше. Они же, обесстудившеся, яко же пси, приближившеся, окаяннии, начата персты ее ломати, складовающе щепоть. Она же гнушающися, глаголаше: «Несть се крестное знамение, но печать антихристова!» Они же противо: «Ни, не тако, но сии два перста, яже ты слагаеши, показуя крест свой, младенцы, егда калом ся умажут, тогда матери их сима двема перстома гной их оскребают!» Тако бо злочестивии умеюще лаяти!

И сице им всем трем по разным местам сядящим и терпящим о имени Господни.

Лета того сподоби Бог великую Феодору в юзах и за крепкою стражею причаститися от руку преподобного отца Иова Льговскаго, о нем же и прежде речеся. Бысть же дивно, понеже у нее на карауле един голова милостив к ней зело; молит его святая, рекущи: «Егда бех в дому моем, во едином от сел наших служаше некий священник, старый сый, и бяше милость наша к нему. Ныне же слышах, яко zde он. Жаль ми его, старости ради. Аще есть твоя милость к нашему убожеству, повели, да призову его!» И повеле.

И прииде старец святой ко святой мученице, яко Варлаам ко Иоасафу, бесценный бисер подати белецким образом. И грядущу ему в сенях, и сам голова востах, поклонися ему. И сподобив мученицу прияти тело и кровь Христову, и отъиде. Толико же умилися блаженный старец, зря великое страдание великия госпожи, яко последи невозможно ему без слез воспомянути ее.

Бысть же и се паки дивно. Обе сии сестры едиnorodны, великая, глаголю, Феодора и благоверная Евдокия, вожделеста в жизни сей видетися в лице и побеседовати. И молястася всесильному Богу, яко да утешит их. Последи Евдокия рече княгине своей, у нея же в келий сядяше: «Госпоже, ты веси болезнь детскую? И се аз оставих их Христа ради! Аще обретох благодать пред тобою, пусти мя в дом мой, яко да целовав их и утешив и сама утешуся, и прежде вечера паки возвращуся дозде. А никто же не возможет уведети вещь сию, точию ты и аз. А возможе по сему быти, аще восхощещи точию помилovati мя: се бо днесь полудневная година, игумения в гостех и старицы разыдошася, и людей на монастыре мало, а аз, фатою покрывшеся, пройду, и никто же не узнает мя». Княгиня ж та паче чаяния человеческого пусти мученицукнягиню, повеле оставити образ пресвятыя Богородицы, рекущи? «Вем аз, како ты любиши образ Владычицы нашей. Остави ми его zde и иди с миром, и вем, яко она, помощница, возвратит тебе семо».

И иде блаженная, и грядущи ей путем, навади бес неких злых человек, и глаголаху друг ко другу: «Имите ю, беглая есть!» Она же смело отказоваше. И снисдеся [*встретилась*] на пути с Еленою, и приидоста до Печерского подворья. Дворница же поведя Феодоре пришествие их. Блаженная сосла от себя рабу свою Анну, а вместо ее к ней взыде княгиня Евдокия и на крыльце мимо ног караульщика прошла, ему мнящу та же Анна идет. И беседоваста любезно мученица со исповедницею.

И позавиде диавол, и подвиже бурю, и познана бысть вещь, и крамолу воздвигоша вси десятица воин. И призвавши Феодора, умоли начальника. Он же умоли воины и умолкоша. Мученицам же бысть се к блажейшему: повеле бо голова гостыи той ночевати у нее: «Да аз, — рече, — нощию отпущу ея тайно». Святии же нощ тую всю ликоваху, беседующе. И к свету отъиде Евдокия, и проводи ю Елена, и прииде в монастырь, и все утаися, и утишися. Елена же сядящи и им служаше, потребная им строяше: и пищу, и одежды, и овогда сама ношаше, овоща же со инеми посылаше.

К Евдокии же не единою приезжал и Михайло Алексеевич, и у окна стоя, со умилением глаголаше: «Удивляет мене ваше страдание, едино же смущает мя: не вем, аще за истину терпите?»

Множество же вельможных жен приезжаху, и от простых людей притекаху на зрение [зрелище], како влачаху княгиню на носиле. Наипаче же вельможнии тии преизлиха любезне дивляхуся и аки о сроднице своей болезноваху. Видевши же сие игумения и сугубыми помыслы содержиима бе: ово жалостию преклоняшеся о страдании ее, помышляющи сан ее вельможный, ово же и возмущашеся, видя, яко сие влачение паче ей к прославлению: вси бо народи срищутся на видение терпения ее.

И сия помыслив, приходит к патриарху Питириму, тогда сущу, и поведает ему о вещи, како у них в монастыри деется и каковая княгиня сedit и за кую вину, ему бо того не ведущу, яко прежде его посаждени быша. Вопрошающе же ему опаснее [внимательнее] игумению, прилично стало игумений и о Феодоре воспоминаuti. Конечнее же патриарх рече игумений: «Иди ты, аз о сем цареве имам воспоминаuti».

И потщався [устремился] к царю, и воспоминаю ему о великой Феодоре и о блаженной княгине. «Аз, — рече, — тебе, государю, советую болярноу ту, Морозову-вдовицу, кабы ты изволил паки дом ее отдать ей и на потребу ей дворов бы сотницу христиан дал, а княгиню ту тоже бы князю отдал, так бы дело то приличнее было; женское бо их дело, что они много смыслят?»

Тогда рече царь: «Святейший владыко, аз бы давно сие сотворил, но не веси ты лютости жены тоя. Аз бо како ти имам поведати, елико ми ся поруга и ныне ругается Морозова та. Кто ми такова злая сотвори, яко же она? Многи бо ми труды сотвори и велия неудобства показа. И аще не веруеши словесем моим, то изволи искусити собою вещь, и призвав ю пред ся — вступи; и тогда увеси крепость ее. И егда начнеши ю истязати — тогда вкусиши пряности ее. И потом что повелит твое владычество, то сотворю и не ослушаюся отнюдь словесе».

И во 2 час ноци поемше Феодору и с юзами, и посадивше на дровни, и сотнику поведено тамо ити. И привезоша ю в Чудов, и введоша во Вселенскую полату, и бе ту стоя Питирим-патриарх и Павел-митрополит и инии власти, и от градских начальник немало. Великая же предста на сонме, нося на вые оковы железные. И в первых патриарх рече: «Дивлюся аз, яко тако возлюбила еси чепь сию и не хочещи с нею и разлучитися!» Святая же обрадованным лицом и веселящимся сердцем рече: «Воистину возлюбих, и не точию просто люблю, но ниже еще насладихся вожделеннаго зрения юз сих! Како бо и не имам возлюбити сия, понеже аз, таковая грешница, благодати же ради Божия сподобихся видети на себе, купно же и поносити Павловы юзы, да еще за любовь едиnorodнаго Сына Божия!» Тогда патриарх: «Доколе имаше в безумии быти? Полно лядов [бездельников] нрава держатися! Доколе не помилуеши себе? Доколе царскую душу возмущаеши своим противлением? Остави вся сия нелепая начинания и послушай моего совещания, еже, милуя тя и жалея, предлагаю тебе: приобщися соборней церкви и российскому собору, исповедався и причастився». Отвеща блаженная: «Некому исповедатися, ниже от кого причаститися». Паки патриарх: «Много попов на Москве!» Глагола святая: «Много попов, но истиннаго несть». Еще патриарх: «Понеже вельми пекуся о тебе, аз сам на старости понуждуся исповедати тя и потрудитися; отслужу, сам причащу тебе». Премудрая же паки глагола: «И что ми глаголеши, еже сам? Аз не вем, что глаголеши. Егда бо разньство имаше от них? Егда не их волю твориши? Егда бо был еси ты митрополитом Крутицким и держался обычая христианского, со отцы преданного нашея Русския земли, и носил еси клобучок старой, — и тогда ты нам был еси отчасти любим. А ныне, понеже восхотел еси волю земного царя творити, а небесного царя и содетеля своего презрел еси, и возложил еси рогатый клобук римского папы на главу свою, — и сего ради и мы отвращаемся! То уже прочее не утешай мене тем глаголом, еже «Аз сам!», ниже бо аз твоей службы требую!»

Тогда патриарх глагола архиереям своим: «Облецыте мя ныне во священную одежду, яко да священным маслом помажу чело ее, яко негли [поглядим, увидим] приидет в разум! Се бо, яко же видим, ум погубила есть!»

И облекоша его, и масло принесоша, и взял спицу, сущую в масле, и нача приближаться ко святей. Она же дотоле сама на ногах отнюдь не стояла, но поддержали ее сотник со инем, и она, на их руках вся облегиши, с патриархом говорила; егда же зрит его к себе идуща, сама ста на ногах своих и приготовяся, яко борец. И митрополит Крутицкой протяг руку, единою поддержка патриарха, а тою хотя приподняти треуха, иже на главе блаженныя, яко да удобно будет помазати патриарху. Великая же отпхну руку тую и рече: «Отъиди отсюду!» И отрину руку его и со

спицою: «Почто дерзаеши и неискусно хоцещи коснутися нашему лицу? Наш чин мощно тебе разумети!»

Патриарх же, поомочав спицу в масле и протяг руку свою, хотя ю знаменати на челе. Преблаженная же, яко храбрый воин, вельми вооружився на сопротивоборца, напротиво ему свою руку протягши, и отрину руку его и со спицою, вопия и глаголя: «Не губи мя, грешницу, отступным своим маслом!» И позвяцав юзами, рече: «Чего ради юзы сия аз, грешница, лето целое ношу? Сего бо ради и обложена есмь юзами сими, яко не хошу повинутися, еже приобщити ми ся вашему ничесому же. Ты же весь мой недостойный труд единым часом хоцещи погубити! Отступи, удалися! Не требую вашей святыни никогда же!»

Слышав сия патриарх и не терпя многого срама, разгневался зело и от великой горести возопи: «О исчадие ехиднино! Вражия дщи, страдница [*холопка*]!» И возвращался от нея вспясть, ревый, яко медведь, крича, зовый: «Поверзите ю долу, влеките нещадно! И яко пса чепию за выю влачаще, извлекыте ю отсюда! Вражия она дщерь, страдница, несть ей прочее жити! Утре страдницу в струб [т. е. *на костер*]!»

Блаженная же отвеща тихим гласом: «Грешница аз, но обаче несть вражия дщерь, не лай мя сим, патриарх! По благодати бо спасителя моего Бога Христова есмь дщерь, а не вражия! Не лай мя сим, патриарше!»

И по повелению патриархову повергоша ю долу, яко мнети ей главе ее раскочитися, и влекуще ю по полате сице сурово, яко чаяти ей ошейником железным шию надвое прервав, главу ее с плеч сорвати им. И сице ей влекоме с лестницы все степени главою своею сочла. И привезоша ю на тех же дровнях на Печерское подворье в девятом часу ноши.

Тоя же ноши и того же часу ставил предо собою патриарх и княгиню Евдокию и Марию, мня, егда како которая от них повинется, и не бе сего. Благодатию бо Божию укрепляеми свидетельствовоаху крепче и являхуся, яко о имени Господни готовы умерети, нежели любве его отпасти. Покуси же ся патриарх и благоверную княгиню такожде помазати; святейшая же страстоносица еще дивейши сотвори. Яко же убо древле самаряныня Фотиния при Нероне-кесаре сама со главы своей своими руками кожу содра и верже на лицо мучителево, сице и наша трихраборница, егда виде патриарха с масленою спицею идуща к ней на помазание, вскоре покрывало главы своя снем и простовласу себе сотворши, возопи к ним: «О бесстуднии и безумнии! Что се творите? Не весте ли, яко жена есмь?» Они же вторым студом посрамившися, пребыша бездельни [*безуспешны*]. Святей же тако избывши от помазания их и по скончании вопрошения развезоша и тех по своим им местам.

Патриарх же, не могши своего бесчестия терпети, поведя вся цареви, наипаче же жалобу ему приношаше на великую Феодору. Царь же ему отвещаваше: «Не рех ли ти прежде лютость жены той? Аз бо искусихся и вем жестокость ее. Ты бо единою се видел еси деяние ее, аз же колико лет имам, терпя от нее и не ведый, что сотворити ей!» И сице глаголюще, совещашася обще, еже мучити их, и аще ту не покорятся — и потом подумати, что будет достойно им сотворити.

И паки в другую ношь, во вторый час ноши, свезени быша вси трие мученицы на ямской двор. На том же дворе собрано было людей множество, и посадили мучениц в ызбе, а в ней от множества людей тесно. Святии же, сидяще по углам, втемне, между множества человек, каяждо мняше, яко едина есть, не мняху бо, яко мучити их хотят, но надеяхуся, яко последи расспроса в заточение куды хотят послати. Последи же Феодора уразуме, яко не в заточение, но на муки привезена. Извести же ся ей, яко и двоица мучениц ту есть; невозможно же беседовати и с ними, и укрепить их на терпение. Она же позвяца юзами, а мыслию рече: «Любезнии мои сострадалницы, се и аз ту есмь с вами; терпите, светы мои, мужески, и о мне молитесь!» К Евдокии же и руку протягши сквозе утеснение людское, и ем за руку княгиню, и согннувши ее вельми крепко, и рече: «Терпи, мати моя, терпи!»

Бяху же приставлены над муками их стояти князь Иван Воротынской, князь Яков Адоевской, Василей Волынской.

И в первых приведена бысть ко огню Мария. И обнажив до пояса, и руки назад завязали, и поднята на стряску, и снем с дыбы, бросили на землю.

И потом ведуще княгиню ко огню. И узреша покров треуха [*т. е. матерчатое покрытие верхней части шапки*], и реша мучители: «Почто тако твориши? Во опале царской, а носиши цветное!» Она же отвеща: «Аз не согреших пред царем». Они же содраша покров, а ей испод един

вергоша, и обнаживше и ту до пояса, и поднята на стряску, рукам опако [*крепко*] связанным. И снемше со древа, вергоша и ту близ Марии.

Последи же приведоша ко огню и великую Феодору. И начат ей глаголати князь Воротынской многая словеса, глаголющи: «Что се сотворила еси? От славы в беславие прииде! И кто ты еси, и от какого рода? Се же тебе бысть, яко приимала еси в дом Киприяна и Феодора юродивых и прочих таковых, и их учения держася, царя прогневала еси!» Добляя же отвеща: «Несть наше велико благородие телесное и слава человека суетная на земли; иже изрекл еси, несть от них ничто же велико, зане же тленно и мимоходяше. Прочее убо, престав от глагол своих, послушай, еже аз начну глаголати тебе. Помысли убо о Христе, кто он есть, и чий сын, и что сотвори? И аще недоумеваешися, аз ти реку: той Господь наш, Сын сый Божий и Бог, нашего ради спасения небеса оставль и воплотися, и живяше все во убожестве, последи же и распялся от жидов, яко же и все от вас мучимы. Сему не удивлявши ли ся? А наше ничто же есть».

Тогда властели, видяще дерзновение ее, повелеша ю взяти и рукавами срачицы ее увиша по концех сосец, и руки наопако завязаша, и повесиша на стряску. Она же, победоносная, и ту не молчаше, но лукавое их отступление укоряше. Сего ради держали ея на стряске долго, и висла с полчаса, и ремнем руки до жил протерли. И снемше, и ту третью к тем же двема положиша. И сице им ругашеся бесчеловечно, оставиша их тако на снегу лежати нагим спинам их, и руки назад выломаны. И лежали часа три.

И иные козни творили: плаху мерзлую на перси клали, и ко огню приносили всех, и хотеша жещи, и не жгоша. Последи же, егда вся козни совершили, и воставшим мученицам, и обнажение телесе покрывша две; третью же, Марию, положиша при ногах Феодоры и Евдокии, и биена бысть в пять плетей немилостивно, в две перемены: первое — по хребту, второе — по чреву. И думный Иларион глаголаше двема мученицама: «Аще и вы не покоритесь, и вам сице будет!» Феодора же, видя бесчеловечие, и многи раны на святей Марии, и кровь текущу, прослезися и рече Илариону: «Се ли христианство, еже сице человека умучити?» И посем развезоша их по местам в десятом часу нощи.

И во утрии день сотвори царь сидение [*заседание*] думати о них, что над ними учинить. А на Болоте труб поставили. И патриарх вельми просил Феодоры на сожжение, да бояре не потянули, а Долгорукой малыми словами да много у них пресек. Тогда Феодора три дни хлеба не яде и воды не пи, тщашеся умрети.

А мати Мелания на Болоте у струба была, и пришед того же дне ко святей Феодоре, и язвы рук ее целова, и глаголя: «Уж и дом тебе готов есть, вельми добре и чинно устроен, и соломою — целыми снопами — уставлен! Уже отходиши к желаемому Христу, а нас сиры оставляеши!»

Феодора же любезне у матери благословилася ити в вечный путь. И целовашеся. Мати рыдаючи отъиде к Евдокии и ей таковая же благовествоваше, и у окна стоя, и зря на княгиню, и слезами омываяся, глаголаше: «Гости вы есте у нас любезнии! Днесь или утре отходите ко Владыце, но обаче идите сим путем, ничто же сумнящесь! Егда же предстанете престолу Вседержителя, не забудьте и нас в скорбех наших!»

Сему же чаему бывшу, Бог же не тако сотвори, но еще страдати мученицам надолзе изволи.

Мария же, по престатии биения, полотенца вода по спине своей, все смочила кровию и посла Иоакиму своему. В третий же день со спины струпи велие спадоша, яко чешуя. И просиша у нее мученицы и не хоте дати за смирение, последи же принуждена, даде им и прочим.

По триех же днех после мучения приела царь ко Феодоре голову стрелецкого, сице глаголя: «Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина-мученица! Молю тя аз сам, послушай совета моего. Хошу тя аз в первую твою честь вознести. Дай мне таковое приличие людей ради, что аки недаром тебя взял: не крестися тремя персты, но точию руку показав, наднеси на три те перста! Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина-мученица! Послушай, аз пришлю по тебя каптану [*новозку*] свою царскую и со аргамаками своими, и приидут многи бояре, и понесут тя на головах своих. Послушай, мати праведная, аз сам, царь, кланяюся главою моею, сотвори сие!»

Видевши же сие Феодора и слышавши, рече посланнику: «Что твориши, человеце? Почто ми поклоняешися много? Престани, послушай, еже аз начну глаголати. Еже государь сия словеса глаголет о мне — превыше моего достоинства. Грешница аз и не сподобихся достоинства Екатерины, великия мученицы. Другое же паки, еже наднести ми на триперстное сложение, — не

точию се, но сохрани мя Сыне Божий, еже бы ми ни в мысли когда помыслити сего о печати антихристове. Но се убо ведомо вам буди, яко никогда же сего, помощию Христовою сохраняема, не имам сотворити! Но убо аще и аз сего не сотворю, он же повелит мя с честью вести в дом мой, то аз, на главах несомы боляры, воскричу, яко аз крещуся по древнему преданию святых отец! А еже каптаномю мя своею почитает и аргамаками — поистине несть ми сие велико, быша бо вся сия и мимо идоша: еживала в каптанах и в каретах, на аргамаках и бахматах! Сие же вменяю в велико, да поистине дивно и есть, еже аще сподобит мя Бог о имени его огнем сожжене быти во уготованнем ми от вас струбе на Болоте: сие ми преславно, понеже сее чести не насладихся никогда же и желаю такового дара от Христа получитьи». Сие святей рекши, умолче голова.

Питирима же патриарха вскоре постиже суд Божий и лютою смертию живота разлучися.

Феодору же с Печерского подворья повеле царь перевести в Новодевичь монастырь того ради, чтобы ей туды никто никакой потребности не приносил. И повеле ю держати под крепким началом и влачити к пению. Она же велие мужество показа и всего их повеления во всем до конца отвратися.

И прославляше Бог угодницу свою: елицы убо от вельможных жен толико множество притецаху, яко монастырю всему заставлену быти рыдванами и каретами. Все же не мольбы ради прихождаху, но да узрят святое и аггелопепное лице ее и крепкое терпение ее видят. И любезнии ее и кто ей потребен не точию на Печерском подворьи, но и ту, Богом покрываемы, прихождаху к ней и утешаху страдальческое сердце ее.

Царь же, не терпя сего зрети, еже приходити ту многим вельможным на удивление страдания ея, и повеле ю привести паки в Москву, в Хамовники. И приведена бысть к старосте на двор, той же обрадовася радостью великою. И прихождаше ту к ней наставница Мелания на посещение и Елена, служительница юзам ее. И ликоваху обще со многими слезами.

Потом рече царю сестра его старейшая Ирина: «Почто, брате, не в лепоту твориши и вдову ону бедную помыкаеши с места на место? Нехорошо, брате! Достойно было попомнити службу Борисову и брата его Глеба». Он же зарыча гневом великим и рече: «Добро, сестрица, добро! Коли ты дятчишь [*заботишь*] об ней, тотчас готово у мене ей место!»

И вскоре посла в Боровеск, в жестокое заточение, иже на то устроенный тамо острог и в нем земляная тюрьма. И вниде Феодора в темницу, радующися и обрете в ней сидящу инокиню, Иустину именем, заточену тоя же ради веры.

Блаженная же княгиня, слыша возлюбленную свою сестру и союзницу вдаль от нее отвезену и яко младенец по матери горце рыдаше, подобие же и страдотерпица Мария. Всевидящее же око Божие, виде стонание их и не презре, но просимое ими от него восхоте им даровати и к великой страдалнице причтати [*причислить*] неразлучно.

Бысть же сице. Повеле Алексей-царь и княгиню тамо же свести; и яко приблизися к темнице, и отверзающе двери, и зело радуяся, сотвори молитву. Феодора же яко узре любезную свою и прием ю за обе рuce, возопи светлым гласом: «О Тебе радуется, обрадованная, всякая тварь!»

Мало же помедлив, привезоша и Марию, и бысть им совершенная радость. Бог же милосердый ниже тамо их остави без утехи скорбети, но утешая их аки птенцов. Сотников, отпускаемых тамо на караул, Иоакимф еще на Москве в дом свой взял, ухлебливаше, чтобы не свирепы были. А в Боровеск посыловал племянника своего, Иродиона именем, и он в темнице бывал множицею и инии мнози. И наставница их Мелания не единою посетила их тамо, Елена же и множицею бывала.

Позавиде же сему лукавый и возмути начальников. И прислали указ разыскать, кто к ним ходит и како доходят. И Памфила некоего боровитина пытали, спрашивали Иродиона. Он муку великую терпел, а не предал. А Родион той в то время у него под полом пробыл. И понеже не повинился, спустили его в дом, и он лежа, а крови его текущи, глагола жене своей: «Агрипина, ныне хорошо стало, свободно, отнеси светам тем поскорая луку печеного решето». Последи того Памфила и с женою сослали в ссылку в Смоленск, иже и донныне тамо терпит.

Сядущим же им часто молях наставницу свою матере Меланию, чтобы их посетила, и всяко не бе воля. Потом же аки известися Феодоре, яко скоро будет отшествие их, сего ради пишет к матери своею рукою, еже рече: «Умилосердися, посети в останошное», яко же и бысть; молит же взяти ей с собою и большого брата. И поспеши Бог, и яхомся пути, понеже слышахом, яко в тех

дней мысль бе у царя, еже послав допросить их накрепко и аще не покорятся — указ чинити, но обаче нас сохранил Бог.

В день недельный, в 3 час ночи, приидом в темницу, и бысть нам обще с ними радость неизглаголанная. Великая же Феодора — не вем, како нареши ю имам, — тюрьму свою пресветлую темницею зовяше и наставницу свою мать Меланию равноапостольною и апостолом Господним нарицаше. «И почто, — рече, — свет моя, нас, птенцов своих, надолзе не посещаеши? Невозможно бо есть нам без твоего наказания жизнь свою добре правити». И облобызаху обе руже ее часто. Купно же и третья с ними Мария часто же лобызаше. И беседовахом ночь ту всю. Бе же время генваря 11. И отидом с Родионом на рассвете.

Мати же Мелания и с Еленою, моления ради мучениц и за великую их любовь, дерзнуша и день той пребыти у них и совершенно утешаша. По нас же, яко же речено бысть, в другой вечер не прииде сотник еще тамо вести нас, и скорбихом, душу разделяюще. Умилосердися ж Господь, и приидом паки в темницу в полунощное время. Мати же тцашеся скоро отыти, и всем им стоящим, мати поучавше их, наказующи. А совершенно не вем вины наказания, но еже слышах, то и повествую.

Глаголаше бо учительница: «Вем аз недостойнство мое, но понеже сами зельно належите и бремя тяжко на мою выю возлагаете, яко да скажу вам путь Божий; еда аз забыхся, и ныне убо, видявше терпение, и еже приблизити ми ся к вам боюся, да не изшед от вас огонь и опалит мя, унылую. Но понеже связасте мя любовию Господа нашего, послушайте же недостойных словес: потщитесь исправитися. Се бо аз вижду, яко связастеся юзами брани бесовския, и аще, — рече, — не свободитесь юз сих, то не помогут вам и сии юзы железные, их же носите Христа ради».

Се же матери глаголющи к ним, Феодора десницею своею держаше левую руку ее, Евдокия же правую. И егда же услыша блаженная Феодора таковыя словеса от матери своей, течаху источники слез по святому оному лицу. Руку же матери любезно лобызающе не престаше. И егда мати премолчаваше, тогда святейшая рыдающе вещаше: «Не рех ли ти, о радость моя, и прежде, яко без твоего пастырства не можем добра сотворити ничто же? Так-то мы все, государыня, без тебе по своей воли! Да что ты видела в малем сем часе? О горе нам! Удалихомся твоего наказания и лишихомся дара послушания! Откуда нам тебе Господь даровал? Ты нам апостол Христов! О свет наша! Не покинь нас без наказания!»

Аз же, видев сие и слышах, преизлиха пребых удивляясь разуму и терпению, и любви блаженныя Феодоры, яко наказуема, любезне смиряшеся, а и неповинна ни в чесом же.

По прешествии же зимы тоя воскури диявол бурю велику зело, ревый злобою на мучениц, побеждаем терпением их. Бысть же сице.

На Фоминой седмице прислан с Москвы подъячий Павел и внезапно прииде в темницу с великою свирепостию, и еже бе у них всякие потребности и брашно снадное, самое скудное, все побрал, и одежды, буде было по другой, все пограбил, точию же оставил во единой ризе. Не точию же се, но и малые книжицы отъят и, еже верх злобы сатаниския, — божественныя иконы, иже имяху у себе мученицы на малых деках воображеныя, они же, всесквернейшия сосуды, не убояшася и сего сотворити, яко злейшия бисермяне, все у них отъяша. У Феодоры же бе икона пречистые Богородицы чудотворные Одигитрии, и егда понесоша ю из темницы, отъемше ю у нее, и возва гласом крепким, и возопи со слезами, рыдающе о иконе. И утеши ю блаженная Евдокия, рекущи: «Не плачи, не точию помощница наша не точию не остави нас, но и сам Христос с нами и есть и будет!»

Бысть же молва немала в воинех, истязани бо быша сотники, кто доносил им потребная и кто допущал приходящих к ним. И инии повинилися, что и сами доносили и инех приходящих допущали. И быша сотником беды великия. Тогда и той сотник, при котором мы были, виноватей иных стал, Александр Созонов сын Медведевской, и биен бысть, и солдатом рядовым учинен, и сослан бе на Белгород.

О Петрове же дни прислан в Боровеск разыскивать дьяк Кузмищев и святых мучениц истязал о приходе и о приношении. Преподобномученицу же Иустину в срубе сожег, занеже не восходе знаменатися тремя персты.

Оставших же ради темницу разориша и лютее тоя учиниша — уже бо не яко же первую, но зело глубоко в земли выкопавше и тамо двою блаженных сестр посадивше, премудрую Феодору и славную Евдокию. Марию же в тюрьму отдали, где злодеи сядят. Не повелено же им давать ни

пищу, ни питие. Аще ли же кто дерзнет чрез повеление и последи о сем същется, и такового главною [*смертною*] казнию казнить. И бысть то время люто зело, уже зело бояхуся, еже допустити кого или самом каково-либо утешительное послужение сотворити.

Но кто может исповедати многое их терпение, еже они в глубокой темнице претерпеша, от глада стужаеми, во тьме несветимей, от задухи бо земныя, понеже паром земным спершимся велику им тошноту творяще. И срачиц им пременяти, ни измывати невозможно бе. Еще же и верхние оны худые ризы ради тепла всегда ношаху — от сего же бысть множество вшей, яко и сказати невозможно. И бысть им се, яко неусыпающее червие: во дне бо снедаху и в нощи не спаху.

Но обаче аще и зельно запретил земный царь, еже отнюдь не подати им пищу, небесный же царь повеле им подавати пищу, премудрости учительницу, сиречь зело малу и скудну: овогда сухариков пять-шесть дадут, тогда воды не дадут пити, а когда пити дадут — тогда ясти не спрашивай. И всяко бе: овогда яблоко едино или два подадут, а ино ничто же, а овогда — огурцов малую часть. И сие творяху воины, иже ту обретшийся благодравии. И видяще превеликое страдание великих людей, и умиляющесе сердца, и от слезны душа милость малу творяху. Да и сие, от прочих братии своих таящесе, вервью спущаху к ним.

И в таковой великой нужи святая Евдокия терпеливо страда, благодаряци Бога, месяца два и пол, и преставися сентября в 11 день. И бысть преставление ее слезно.

Егда бо изнеможе от великого глада и невозможно ей бе стоящи молитися, ни чеши носити, ни стула двизати, возляже. И овоща сядящи, молитву изо уст творяше, а лествиц, сиречь четок, не бе у них — и то мучители отняли. И мученицы навязали пятьдесят узлов из тряпиц и по тем узлам, аки по небесовосходной лестнице, обе — на переменах — молитву Богу воссылали. Егда же виде себе Евдокия нарочито [*сильно*] изнемогшу, глагола великой Феодоре: «Госпоже мати и сестро! Аз изнемогах и мною, яко к смерти приближихся, отпусти мя ко Владыце моему, за его же любовь аз нужду сию возлюбих. Молю тя, госпоже, по закону христианскому, — да не пребудем вне церковнаго предания, — отпой мне отходную, и еже ты веси — изглаголи, госпоже, а еже аз свем, то аз сама проговорю». И тако обе служили отходную, и мученица над мученицею в темной темнице отпевала канон, и юзница над юзницею изроняла слезы, едина в чеши возлежа и стоняше, а другая в чеши предстоя и рыдаше. И тако благоверная княгиня Евдокия предаде дух свой в руце Господни месяца сентября в 11 день.

И призва Феодора единого от воин и повеле сказати начальнику града. Он же повеле ити ему в темницу и извлещи тело ее оттуду. И прииде воин. И сама Феодора тремя нитьми во имя единосущные Троицы пови [*обвязала*] тело любезныя сестры своей и соузницы Евдокии, и увязав вервью; воину изшедшу и конец верви в руку держащу, Феодора же помогаше ему. И теплы слезы излия святая проповедница на святое тело сестры своей исповедницы, тихо рекущи: «Иди, любезнейший цвете, и предстани прекрасному ти жениху и вожделенному Христу!» И сия изрекши, подаде воинам и извлекоша. И положиша е просто, не погребено и не покровено.

И посла начальник отписку к Москве, что укажут. И приказал бе царь извести вон и в пустыни на лесу загребсти тело ея. И рече думный Иларион: «Аще, — рече, — сие тако будет, то уже капитоны и раскольники, обретше, имут взяти с великою честью, яко святых мучениц мощи, и начнут глаголати, яко и чудеса многие бывають, — и будет последняя беда горше первой».

И годе [*угодно*] бысть се царю, и повеле, яко же живу, тако и умершее тело за караулом держати и внутрь острога в землю закопати. И обвинивше е рогозиною, сотвориша тако. Се же бысть дивно: донележе указ с Москвы не прииде, святое оно тело внутрь острога просто на земли лежаше пять дней и не токмо не почерне, но и на всяк день светлее и белее являшесе, яко воинам зрящим зело дивитися и глаголати: «Воистину сии святии суть страдалицы! Се бо тело сие не токмо ничто же смертовиднаго зрака не являет, но и яко живу сущу и веселящуся, цветущу и светлеетсе пред очима нашими». И славляху Бога.

По скончании же мученицы Евдокии возмне царь, егда како от великого глада снедаема великая Феодора мало умягчися, и им снисхождение покажет, и малое повинование принесет. Сия помыслив, присылает к ней старца от себе, монаха никонианского, еже увещавати ю.

И пришед той старец монах к темнице ее и начат молитву творити, оставя сыновство Христово к Богу. И сие пребысть, творя надолзе и не бе гласа, ни послушания. «Последи же рече [*нарек*] Господа нашего Иуса Христа Сыном Божиим», и вскоре блаженная рече: «Аминь». И вниде в темницу и рече ей: «Почто ми прежде не рече «аминь», мне стоящу вне и молитву надолзе

творящу?» И рече блаженная: «Егда слышах глас противен — молчах; егда же очутих не таков — отвещах».

И глагола ей монах, яко же повелено есть ему, еже увещати ю, поне мало покоритися. Доблественый же адамант, егда услыша таковая, позыба [*покачала*] главою и, воздохнув вельми, глагола мужески: «Оле глубокаго неразумия! О великаго помрачения! Доколе ослепоте злобою? Доколе не возникнете к свету благочестия? Како убо сего не разумеете? Аз еще егда бех в дому моем, во всяком покое живя, ниже тогда не восхотех ко лжи вашей и нечестию пристати; православия же крепце держащися не точию имения не пожалех, но и на страдание о имени Господни не устрахихся дерзнути. И паки в начале подвига моего, егда юзами сими обложиша мя Христа ради, многая ми стужения показоваху [*стращали*], аз же отвращахуся. А ныне ли от доброго и красного Владыки моего хотят мя отлучити, вкусившия довольно сладких подвиг за пресладкаго Иисуса? И уже имам 4 лета, носящи железа сия, зело веселящися и не престах обლობызаючи чепь сию, поминаючи Павловы юзы. Наипаче же яко и возлюбленную ми сестру едиnorodную, союзницу и сострадальницу, предпослах ко Владыце, вскоре же и сама, Богу помогающу ми, зело любезне тщуся отъити тамо. И прочее убо вы, отложше всю надежду, еже от Христа мя отлучити, к тому ми о сем отнюдь не стужайте. Аз бо о имени Господни умрети есть готова!»

И слышав сие старец той, умилися и проплака и глагола великой: «Госпоже честнейшая! Воистину блаженно ваше дело! Молю тя и аз — Господа ради потщися началу конец навести. И аще совершиши доблественне до конца, кто может исповедати похвалы вашей? Яко велику и несказанну честь примете от Христа Бога!» И сия рек, отъиде чернец.

И по успении святой мученицы Евдокии приведоша к великой Феодоре блаженную Марию и терпяста купно, подвизающеса. И кто может исповедати неизреченного терпения их, елика претерпеша от глада, и жажды, и от задухи, и вшей?

Посем зело изнеможе преблаженная Феодора и призва единого от воин и рече ему: «Рабе Христов! Есть ли у тебе отец и мати в живых или преставилися? И убо аще живы, помолимся о них и о тебе; аще же умроша — помянем их. Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогах от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми калачика». Он же рече: «Ни, госпоже, боюся». И глагола мученица: «И ты поне хлебца». И рече: «Не смею». И паки мученица: «Поне мало сухариков». И глагола: «Не смею». И глагола Феодора: «Не смеши ли? Ино принеси поне яблоко или огурчик». И глагола: «Не смею». И глагола блаженная: «Добро, чадо, благословен Бог наш, изволивый тако! И аще убо се, яко же рекл еси, невозможно — молю тя, сотворите последнюю любовь: убогое сие тело мое, рогозиною покрыв, близ любезных ми сестры и сострадальницы неразлучне положите».

Потом же, егда уже до конца изнеможе, призва еще воина и глагола ему: «Рабе Христов! Имел ли еси матерь? И вем, яко от жены рожден еси. Сего ради молю тя, страхом Божиим ограждься: се бо аз жена есмь и, от великия нужды стесняема, имам потребу, еже срачицу измыти. И яко же сам зриши, самой ми ити и послужити себе невозможно есть, окована бо есмь, а служащих ми рабынь не имам. Такожде тещы на реку и измый ми срачицу сию. Се бо хочет мя Господь пояти от жизни сея, и неподобно им есть, еже телу сему в нечисте одежде возлещи в недрах матери своя земля».

И сия рекши, даст ему завеску [*передник*] свою, еже под полу скрыв, иде и измы на реце. И малое оно платно мыяше водою, лице же свое омываше слезами, помышляючи прежнее ее величество, а нынешнюю нужду, како Христа ради терпит, а к нечестию приступить не хочет, сего ради и умирает. Известно бо то есть всем, яко аще бы хотя мало с ними посообщилася, то бы более прежнего прославлена была. Но отнюдь не восхоте, но изволи тьмами умрети, нежели любве Христовы отпасти.

Потом блаженная и великая Феодора успе с миром во глубочи темнице месяца ноемврия с первого числа на второе, во час нощи, на память святых мученик Анкиндина и Пигасия. Мати же ея Мелания в то время бе в пустыни и виде тоя нощи во сне великую Феодору, яко оболчена в схиму и в куколь зело чуден, вельми же и сама светла лицом и обрадованна, и в куколи в веселости своей красовашеся, и обзираяся всюду и рукама вода по одеждам, и чуждашеся красоте риз своих, непрестанно же лобызаше образ Спасов, обретыйся близ ее, целоваше же и кресты, иже на схиме. И сице надолзе зряше си творити, дондеже очутися мати от видения; и возбнув [*проснувшись*], дивляшеся, и приидохом, и поведи нам. Последи же, яко уведехом, и се она ношь, в

ней же Феодора преподобная ко Господу отиде в Боровской темнице, тоя же нощи мати видение зряще в пустыне, и прославихом Бога.

По святем же успении ее святое оно и многострадальное тело, обвив рогозницею, яко же сама блаженная завеща, загребоша ту же во остроге близ сестры своей единоматерняя, благоверной княгини Евдокии-мученицы. Егда же уведев се Алексей-царь, и заповеда, да никто же увесту ни от бояр, ни от инех; и на три седмицы утаися в Верху, потом же уведено бысть повсюду.

Мало же последи Феодоры пребысть и Мария, точию месяц един, и декабря в день преставися она ко Господу. И взыде третия ко двема ликовати вечно о Христе Исусе, Господе нашем, ему же подобает всяка слава, честь и поклоняние, и велелепие со безначальным его Отцем и со Святым Духом и ныне, и во веки веком, аминь.

Бысть же, егда хотяше Господь возвести в путь свидетельства [*т. е. свидетельства о правоте старой вере*] великую Феодору и купно со спутницами ее, и убо того лета постыщимся им и причаща их отец Досифей в дому блаженной Феодоры во Иванове горенке. И егда приближахуся прияти пречистое тело и кровь Христову, обливахуся вси трие теплыми слезами. И зрит преподобный отец дивну вещь: абие они трие, Феодора, глаголю, славная, и благоверная княгиня Евдокия, и блаженная Мария, просветишася внезапно лицом и быша чудни видением, и всячески образом быша, яко аггел Божий, и в таковой светозарности пребыша, дондеже причастишася. И последи авва неким поведа втайне вещь сию, глаголя, яко «Несть сие просто, но мною, яко сего лета имут сии страдати о Христе», еже и бысть.

Единою же матери Мелании приключися ей в недуг впасти и умираше от болезни. Феодора же на Печерском подворий седяше и плакаше зело, матерья разлучения не могли терпети, и глаголаше: «Господи, не сотвори нас сиры! Кто нам будет вождь, к тебе возводя, и кто наставит в путь твой непрелестно?»

И во едину ночь еще мати изнеможе, яко и предстоящих пред нею сестр, и рыдающих горько, не знати ей; и даже дотоле доиде, яко многому духу собирашеся в персех ея и редко дыхаше, и весьма чающим сестрам умрети ей. И внезапно очутися мати, и в приходящий день здрава бысть, и поведаше сестрам: «Аз, — рече, — не чаях себе ожити, егда убо вы в нощи сей рыдаете надо мною; дух же мой собирашеся в персех моих, и ощущах, яко изо всего телесе моего яко нечто животно собирашеся к сердцу, и яко хотяше изыти гортанем моим. И в то время зело ми бысть тошно и паки и нозе и руце ощущах, яко омертвеша, и таково ми бысть тошно, яко мнети ми рассестися сердцу моему. Бысть же ми и се разумно, яко весь он собравшийся дух и раздымающийся в персех единою хочет из телесе изыти. И се внезапно паки уразумех, яко устремление оно многа духа внезапно отступи от персей и яко вода потече по всему телеси, и ощутих и руки и ноги оживша, и бысть ми легче, и абие прозрех, и видех вас, плачущих».

Посла же мати Феодоре матерное благословение, и прииде к ней Мария-девица, и виде Феодору не токмо лицом почерневшу, но и устне ея на части расседошася [*потрескались*], и вскоре предвари вопросити Марию: «Есть ли легче матери нашей?» И рече: «За молитв ти здрава бысть, но молю тя, ты повеждь ми, почто тако огорчена еси?» Блаженная же и еще слезам во очию ею рече ей: «О Марие! Зело неутешно рыдах сиротства своего и просих у Христа, да оставит нам мать нашу, паки же и то вещах ко Владыце, яко да даст ей лучшая. И бех обоим содержима лучшего прося, и хотех хотением, желаях, еже еще ей с нами пожити и нас отпустя ко Христу и самой ей мученице быти. И тако препроводих всю сию ночь рыдаючи. Ныне же благословен Господь Бог наш, оставивый нам правительницу, яко да в невоздержании нашем обуздывает, а в скорбех утешает».

И прииде Мария и поведа матери вся реченная от блаженной, и положиша вси во уме своем: яко же Козму-игумена слез ради и жаления отец повеле Бог паки возвратити душу, подобие тому и zde прилучися, и ради рыдания угодницы своей Феодоры дарова живот наставнице ее Мелании.

Седящи же блаженной Марии на чеши за караулом, посла к ней Феодора, глаголющи: «Аще не предаси себе под начал в повиновение матери нашей, то не можеш управитися; аще же умолиши ю, и умилосердится, и присвоит тя, и будеш ея послушница, то вся благая сотвориши, и возможеш претерпети до конца». Егда же токмо услыша Мария, без всякого закоснения [*промедления*] молит мать прийти к ней. Бе же к ней приход строптив [*труден*] зело, и едва дерзну мати; обаче же многого ради моления не возможе презрети.

И егда снидостася, начат ю Мария молити, мати же отрицашеся, глаголя себе недостойну быти. Блаженная же падает на землю, плачуши горько и руже матери не преста обლობызаючи устнами, а омываючи слезами. «Почто мя, — рече, — не хочещи помиловати, яко же оных блаженных двою сестр? Но вем, яко несмь достойна дщерь твоя быти и именоватися, яко же онии велицы госпожи — боляроня великая Феодора и благоверная княгиня Евдокия Прокопиевны, изящнии послушницы и возлюблении твои дщери! Мене же, молю тя, не токмо персту своему мизинному причти, но хотя единому ногтю своему причти, точию нарцы мене своею, да буду токмо послушница твоя! Господа ради умилосердися, не отлучай мене от возлюбленных своих, от Феодоры и Евдокии, светов моих!» Мати же, аще и зело не хотяше, но обаче рече ей: «Христова ты и моя». И она возрадовася велми.

И бяху вси трие, едина единой ревноваху, в послушании.

Егда же беста мати с Еленою в темницы, и в день той глагола мати Иустине, яко да изыдет она вместо ее из темницы на свободу, а она вместо ее останет ту. Иустина же иде вопросити старца своего, иже бяхе ей, егда живяху в мире по закону, супружник, седяше же ту же во остроге в другой темнице. Он же подтверди ю, яко да терпит до конца и да не погубит венца своего. «Се бо, — рече, — зриши ли, како они Христа любят и волею его ради в юзы и в смерть, а ты много терпев, а ныне хочещи все погубити». И послуша она, и утвердися, еже тако тому быти, сиречь до смерти терпети. Грядущи же от тоя темницы к мученицам и посреди обою темниц бывши, возва и возопи, и вознесе глас свой и плакася вельми, и глаголаша многая словеса в рыдании своем по обычаю своему. И послушаху плача ея мати Мелания с Еленою, вкупе же и мученицы, и дивляхуся, славяще Бога.

Бе же у сея Иустины таков плачевный обычай, егда ей найдут некая помышления жалостная, тогда ей не мощно держатися, ниже утаитися, но во услышание всем рыдает горце.

Се же начало плача ея: «О свет моя пресвятая Богородице, небесная царице! О свет моя помощнице и заступнице Одигитрие! О свет мой Христе, Сыне Божий! Егда убо приидеши судити всем в последний день в воздати комуждо по делам его, молю тя, о Сыне Божий, ущедри мя и сподоби одесную тебе стати и слышати сладкаго твоего гласа, еже речеши праведным: «Приидете, благословении Отца моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира!» Избави же мене от страстного оногo и жесточайшего гласа, еже речеши грешным, сущим ошуюю тебе: «Отъидите от мене, проклятии, в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его!» И да не речеши и мне, о пресладкий Иисусе: «Отъиди от мене, проклятая!» Егда же сие слово Иустина <...> [рукопись обрывается].

О трех исповедницах слово плачевное протопопа Аввакума

Месяца ноября во второй день, сказание отчасти о доблести и мужестве, изящном страдании и терпении — свидетельство — благоверной княгини Феодосии Прокофьевны Морозовы и преподобномученицы, нареченной во инокинях схимницы Феодоры, о трех исповедницах слово плачевное.

В лето <...> [заглаждено две строчки, содержащие имя царя. в конце нрзб. отступника христианского] быша три исповедницы, жены — болярони: Глебовская жена Ивановича Морозова Феодосья Прокопьевна, во инокинях Феодора-схимница, и сестра ей бе, нарицаемая княгиня Урусова, Евдокея Прокопьевна, с ними же дворянская жена Акинфея Ивановича Данилова Мария Герасимовна. Беша бо Феодосья и Евдокея дщери мне духовные, иместа бо от юности житие воздержное и на всяк день пение церковное и келейное правило. Прилежаше бо Феодосья к книжному чтению и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостольских. Бысть же жена веселообразная и любовная.

Многими дньми со мною беседующе и рассуждающе о душевном спасении. От уст бо ее аз, грешный протопоп, яко меда насыщащеся. Глаголаше бо благообразная ко мне словеса утешительные, ношаше бо на себе тайно под ризами власяницу белых власов вязаную, безрукавую, да же не познают челоуецы внешнии. И, таящеся, глаголюще: «Не люблю я, батюшко, егда кто осмотрит на мене. Уразумела-де на мене сноха моя, Анна Ильична, Борисовская жена

Ивановича Морозова. И аз-де, батюшко, ту волосяницу и скинула, да потаемне тое сделала. Благослови-де до смерти носить! Вдова-де я молодая после мужа своего, государя, осталася, пускай-де тело свое умучу постом, и жаждою и прочим оскорблением. И в девках-де, батюшко, любила Богу молитися, кольми же во вдовах подобает прилежати о душе, вещи бессмертной, вся-де века сего суета тленна и временна, преходит бо мир сей и слава его. Едина-де мне печаль: сын Иван Глебович молод бе, токмо лет в четырнадцать; аще бы его женила, тогда бы и, вся презрев, в тихое пристанище уклонилася». О свет моя, чего искала, то и получила от Христа!

Бысть же в дому ее имения на двести тысяч или на пол-третьи, и христианства за нею осмь тысячей, рабов и рабыней сто не одно, близость под царицею — в четвертых боярнях. Печаше бо ся о домовном рассуждении и о христианском исправлении, мало сна приимаше и на правило упражняшеся, прилежаше бо в нощи коленному преклонению. И слезы в молитве, яко струи, исхождаху из очей ее. Пред очами человеческими ляжет почивати на перинах мягких под покрывалы драгоценными, тайно же снидет на рогозину и, мало уснув, по обычаю исправляше правило. В банях бо тело свое не парила, токмо месячную нужду омываше водою теплою. Ризы же ношаше в доме с заплатами и вшами исполнены, и пряслице прилежаше, нитки делая. Бывало, сижу с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамоту в вотчину писать. И нитки — свои труды — ночью по улицам побредет да нищим дает. А иное — рубах нашьет и делит, а иное — денег мешок возьмет и раздаст сама, ходя по крестцам [*по перекресткам*]; треть бо имения своего нищим отдая. Подробну же добродетели ее не достанет ми лето повествовати: сосуд избранный видеша очи мои!

Бысть же в Петров день пожар великий в Москве, и приближающая огонь ко двору ее, аз бо замедлив в дому Анны Петровны Милославские, добра же ко мне покойница была. Егда бо приидох к Феодосье в дом, и двое нас, отшед, тайно молебствовали. Быша бо слезы от очию ее, яко река, воздыхание бо утробы ее, яко пучина морская колебашеся, глас же тонкий из уст ее гортанный исхождаше, яко аггельский: «Увы! — глаголаше, — Боже, милостив буди мне, грешнице!» И поразится о мост каменный, яко изверг некий, плакавше. Чудно бе видимое: отвратило пламя огненное от дому ее, усраився молитвы ее сокрушенные; обыде и пожже вся окрест дому ее, а за молитв ее и прочих не вредило тут. Аз же тому бысть самовидец сам, и паче слуха видения: моя молитва при ней, яко дым, ее же из уст, яко пламя, восхождаше на небо.

Еще же она, блаженная вдова, имела пред враты своими нища клосна [*увечною*] и расслабленна. Устроили ему келейцу, и верная ее Анна Амосова покоила его, яко матери чадо свое, и гнойные его ризы измываху, и облачаху в понявы [*одежды*] мягкие. Сама же по вся нощи от него благословение приемлюще, рабыня же не отлучашеся от нищего по вся времена.

Егда же рассвирепела буря никониянская и сослала меня паки с Москвы на Мезень во отоки окиянские, она же, Феодосья, прилежаше о благочестии и бравшеся с еретики мужественно, собираше бо други мои тайно в келью к преждереченному нищему Феодоту Стефанову и писавше выписки на ересь никониянскую, готовляше бо, ожидающе собора правого. И уразумевше бо сродники ее Ртищевы, и наустиша холопей ее воровским умыслом, и оклеветшут ю ко царю. Царь же, лаская ее, присылал к ней ближних своих — Иякими архимарита, патриарха нынешнего, развращая ее от правоверия. Она же глагола мужественно: «Аще-де и умру, не предам благоверия! Издетска бо обыкла почитать Сына Божия и Богородицу, и слагаю персты по преданию святых отец, и книги держу старые, нововводная же вами вся отめщу и проклинаю вся! Аще-де вера наша старая неправа суть, но яко же есть права и истинна, яко солнце на поднебесной блестящеся. Скажите царю Алексею: «Почто-де отец твой, царь Михаиле так веровал, яко же и мы? Аще я достойна озлоблению, — извергни тело отцово из гроба и предай его, проклявше, псам на снеть. Я-де и тогда не послушаю!» Посланницы же возвратишася вспять и поведавше царю, яже от нее слышавше. Он же повеле ей с двора не съезжать и отнял лучшие вотчины — две тысячи христиан. А холопи в приказе клеветшут на ню, яко блудит и робят родит и со осужденным Аввакумом водится. Он-де ее научил противитися царю.

Потом приехал в дом к ней сродник ее, Феодор Ртищев, шиш антихристов, и, лаская, глаголаше: «Сестрица, потешь царя того и перекрестися тремя перстами, а втайне, как хочешь, так и твори. И тогда отдаст царь холопей и вотчины твоя». Она же смалодушничала, обещалася тремя персты перекреститися. Царь же на радостях повеле ей все отдать. Она же по приятии трех перст разболевся болезнию и дни с три бысть вне ума и расслабленна. Та же образумяся, прокляла

паки ересь никониянскую и перекрестилася истинным святым сложением, и оздравела, и паки утвердилася крепче и первого.

Та же паки меня с Мезени взяли, протопопа Аввакума. Аз же, приехав, втай с нею две ночи сидел, несытно говорили, како постражем за истину, и аще и смерть приимем — друг друга не выдадим. Потом пришел я в церковь соборную и ста пред митрополитом Павликом, показуясь, яко самовольне на муку приидох. Феодосья же о мне моляшеся, да даст ми ся слово ко отверзению устом моим. Аз же за молитв ея пылко говорю, яко дивитися и ужасатися врагам Божиим и нашим наветникам.

И так и сяк, сослали меня в Боровеск, в Пафнутьев монастырь. Она же за мною прислала ми потребная. И, держав мя десять недель, паки возвратили в Москву. Она же со мною не видалась, но приказывала: «Ведаю-де я, хотят тебя стричь и проклинать. Обличай-де их с дерзновением, на соборище том-де я буду и сама». И я таки, бедный, за молитвы ее столько напел, сколько было надобе! Потом сослали на Угрешу меня за крепостию велиею. Она же и туда потребная присылаше ми. Потом перевезли паки в Пафнутьев монастырь. Она же потребная присылаше ми и грамотки. Потом паки мя в Москву ввезли. Она же, яко Фекла Павла ищущи — увы мне, окаянному! — и, обрете мя, притече во юзилище ко мне, и по многим временам беседовахом. И иных с собою привождаше, утвержая на подвиги. И всех их исповедал во юзилище: ее, и Евдокею, и Иванушка, и Анну, и Неонилу, и Феодора, и святого комкания [*причастия*] сподобил их. Она же в пять недель мало не всегда жила у меня, словом Божиим укрепляясь. Иногда и обедали с Евдокею со мною во юзилище, утешая меня, яко изверга.

Егда же я взят бысть палестинскими, и переселиша мя на горы Воробьевы с Лазарем и со старцем Епифанием, и бысть крепко там, невозможно видетися. Она же умыслила — чином, побоярскому в каретах ездил, — бытто смотрит пустыни Никоновы, и, назад поедучи, захала на Воробьевы ко мне и, будучи против избы, где меня держат, из кареты кричит, едучи: «Благослови, благослови!» А сама бытто смеется, а слезы текут. Потом же так и сяк, ввезли мя паки в Москву на подворье Никольское. Она же помного прихождаше ко вратам двора того и стерегущим воинам моляшеся, насилу обрела такого сотника, яко пустил на двор ее. Она же, прибежав к окну моему, благодарит Христа, яко сподобил Бог видетися, и денег мне на братью дала. Да паки, ко вратам приходя, плакивала. Да и только видания!

Потом меня в Пустозерье свезли и писанием возвещахуся. Она же после меня бродила по юзилищам, идеже мучатся мученики. Потом тайно и постриглась, видевши, яко зверь ища конца ея.

Егда же время приспе, женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприемше, и на муки пошла, Христа ради мучитися. Зверь бо, яко лукавый лис, восхитил ю из дому и предал за приставство [*под стражу*] воинству, бесчестя и волоча на чепях, яко льва оковану. И сестру ея Евдокею-княгиню так же, мучиша обеих на чепях без милосердия. К ним же последи присовокупила и Марию Герасимовну, и бысть троица святая, непорочная.

По смотрению же Божию скоро преставися Феодосьин сын едиnorodный, Иван Глебович, и вся вотчины и домовная быша в разграблении. Она же вся, яко уметы [*грязь*], вменила ради Сына Божия. У Евдокеи же княгини преставися дочь во время ее мучения. И еще трое деточек осталось со отцом своим, с князь Петром Урусовым. Писала из своей темницы в темницу ко мне, зело о них печаловаше, еже бы во православии скончались. Токмо въздыхает и охает: «Ох, батюшко! Ох, свет мой! Помолись о детушках моих, ничто же мя так, яко же дети, крушат. Помолись, свет! Помолись, батюшко!» Да то же да то же одно говорит — целый столбец, и другая — целый же столбец, и третья тако же. Ковыряли руками своими последнее покаяние. И рукава прислали рабам своим от чепей с ошейников, железом истертые. А с Марьины шеи полотенце железное же. Аз же, яко дар освящен, восприях и облобызах, кадилом кадя, яко драго сокровище, покропляя слезами горькими.

Егда же они быша в Москве, тогда и на соборище водили их. Говорит мне: «В сей рубахе была, батюшко, на соборе я, и по многом прении последним запечатала: «Все-де вы еретики, власти, от первого и до последнего! Разделите между собою глаголы мои!» Тако же и Евдокея и Мария, не яко жены, но яко мужие, обличаша безбожного иудеянина. И быша все три на пытке пытаны, и руки ломаны, Мария же по хребту биена бысть немилостиво. И приступи к ним, вопрошая, верный Ларион, Иванов сын: «Еще ли веруете во Христа распятого? И како персты

слагаете, покажите ми!» Они же едиными усты все трое исповедаху: «За отеческое готовы умерти! Аще и умрем, не предадим благоверия! Отгыта буди рука наша — да вечно ликовствует, тако же и нога — да в царствии веселится, еще же и глава — да венцы вечными увяземся.

Аще и все тело огню предашь — и мы хлеб сладок Святей Троицы испечемся». Та же свезоша их в Боровеск на мое отечество, на место мученное, идеже святити мучатся, и устроиша <...> [возможно утрачена часть текста] звезда утренняя, зело рано воссиявающая! Увы, увы, чада мои прелюбезные! Увы, други мои сердечные! Кто подобен вам на сем свете, разве в будущем святити ангели! Увы, светы мои, кому уподоблю вас? Подобни есте магниту каменю, влекущу к естеству своему всяко железное. Тако же и вы своим страданием влекуще всяку душу железную в древнее православие. Исше трава, и цвет ея отпаде, глагол же Господень пребывает вовеки. Увы мне, увы мне, печаль и радость моя, всажденная три камня в небо церковное и на поднебесной блещаша! Аще телеса ваша и обесчещена, но душа ваша в лоне Авраама, и Исаака, и Иякова.

Увы мне, осиротевшему! Оставиша мя чада зверям на снадение! Молите милостивого Бога, да и меня не лишит части избранных своих! Увы, детоньки, скончавшиеся в преисподних земли! Яко Давыд вопию о Сауле царе: «Горы Гельвульские, пролившие кровь любимых моих, да не снидет на вас дождь, ниже излиется роса небесная, ниже воспоеет на вас птица воздушная, яко пожерли телеса моих возлюбленных!» Увы, светы мои, зерна пшеничная, зашедшия под землю, яко в весну прозябшия, на воскресение светло усрящу вас! Кто даст главе моей воду и источник слез да плачу другов моих?

Увы, увы, чада моя! Никто же смеет испросити у никониян безбожных телеса ваша блаженная, бездушна, мертва, уязвенна, поношеньми стреляема, паче же в рогожи оберченна! Увы, увы, птенцы мои, вижу ваша уста безгласна! Целую вы, к себе приложивши, плачуще и обლობызающе! Не терплю, чада, бездушных вас видети, очи ваши угаснувшии в дольних земли [т. е. пропастьях], их же прежде зрех, яко красны добротою сияюща, ныне же очи ваши смежены и устне недвижимы.

Оле, чудо! О преславное! Ужаснися небо, и да подвижатся основания земли: се убо три юницы непорочные в мертвых вменяются и в бесчестном худом гробе полагаются, им же весь мир не точен бысть. Соберитесь, рустии сынове, соберитесь девы и матери, рыдайте горце и плачьте со мною вкупе другов моих соборным плачем и воскликнем ко Господу: «Милостив буди нам, Господи! Приими от нас отшедших к тебе сих души раб своих, пожерших телеса их псами колитвенными [приблудными]! Милостив буди нам, Господи! Упокой души их в недрах Авраама, и Исаака, и Иякова! И учини духи их, идеже присещает свет лица твоего! Видя виждь, Владыко, смерти их нужные и напрасные и безгодные! Воздаждь врагам нашим по делам их и по лукавству начинания их! С пророком вопию: «Воздаждь воздаяние их им, разориши их, и не созиждеша их!» Благословен буди, Господи, во веки! Аминь.